

ХРОНИКИ ПРОКОЛА

КНИГА ВТОРАЯ

ГОРОД ЗА ТОЧКОЙ

Fenuxxx

Fenuxxx Fenuxxx

Город за точкой

<https://litres.ru/74688678>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошёл год. Электричество по-прежнему ничего не стоит, Консорциум по-прежнему всех успокаивает, но иногда мир на минуту белеет, и после этого кого-нибудь недосчитываются. Людей уносит за точку прокола, в Город, где есть дворы, вокзал, трамвай сорок первого маршрута и маяк на краю. Попастъ туда проще простого, а обратную дорогу каждый ищет сам.

Герой учится ходить в Город и возвращаться. Его команда тем временем гонит старый «жигулёнок» к Белому морю, где вязальный кружок местных старух занят делом посерьёзнее носков, спорит с сингапурскими технократами и выясняет, кто голосует из чёрных окон. В Городе живут соседи по вселенной, которым надоела шумная Земля, и дежурные на Маяке, которым давно никто не присылал смену. Один из них подозрительно похож на Ивана. А до годовщины сияния осталось полгода.

Вторая книга цикла «Хроники Прокола».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	89

FeHyxxx

Город за точкой

Глава 1

Двор оттаял в последнюю субботу марта, и подъезд, как и положено, вышел на субботник.

Объявила его баба Клава. Управляющая компания «Уют-Сервис» тоже повесила у двери бумажку с печатью, но бумажки там висели всю зиму, все до одной про «силами жильцов», и читать их давно никто не читал. Баба Клава поступила проще: в пятницу обошла все семь этажей, позвонила в каждую дверь и в каждую сказала одно и то же: «В десять. Перчатки свои. Кто не выйдет, я запомню». Подействовало это куда лучше печати. В десять во дворе стоял весь подъезд, включая граждан, которых Иван за восемь лет не видел ни разу и которые, как выяснилось, всё это время жили прямо над ним.

Сама баба Клава командовала из окна. Колено с утра «стреляло», спускаться она не стала, а положила на подоконник подушку, на подушку локти и руководила с седьмого этажа, как с капитанского мостика. Голос она при этом не повышала: её и так было слышно до самых гаражей.

— Аркадий! Левее! Ты его вешаешь или ты с ним разго-

вариваешь?

Аркадий стоял на стремянке у старой берёзы с гвоздём в зубах и прибивал скворечник. Скворечник этот он всю зиму мастерил в гараже из досок от старого шкафа: крыша жестяная, леток круглый, а над летком табличка, выжженная паяльником: «НИК НЕ ДЕРЖИМ. ТОЛЬКО СКВОРЦЫ». Конструкция медленно и неуклонно заваливалась на бок. Аркадий её выправлял, она заваливалась снова, и так по кругу.

— Ты думаешь, скворцам предложат колонку с Никой? — поинтересовалась снизу Лена.

— Мне предлагали, — ответил Аркадий сквозь гвоздь. — Пусть знают, что тут не возьмут.

Лена держала стремянку и смотрела на мужа тем особым взглядом, каким смотрят на человека, с которым прожито пятнадцать лет и который прошлой осенью месяц подряд соглашался со всем на свете голосом диктора. Теперь он не соглашался ни с чем, включая закон всемирного тяготения, и Лену это, похоже, вполне устраивало.

Жанна трудилась на газоне. В широкой соломенной шляпе, в белых нитяных перчатках до локтя и в резиновых сапогах цвета фуксии. В одной руке грабли, в другой телефон, причём грабли двигались медленно, а телефон без перерыва.

— Девочки, я на субботнике. Сама. Вот грабли, вот листья. Субботник — это новый пилатес, запомните. И никакой «Ники» в радиусе двадцати метров, у нас даже сквореч-

ник подписан.

Лента у Жанны за зиму доросла до шестисот тысяч. После статьи «Подъезд» её дважды блокировали и один раз позвали на государственное телевидение, но Жанна не пошла, сославшись на плохой свет в студии.

Иван спустился последним, в начале одиннадцатого, в старой куртке и тёмных очках.

Весна в этом году пришла сразу, без предупреждения: в среду ещё лежал серый снег, а в субботу солнце било в лужи так, что лужи били в ответ. Ивану это было неудобно. Раз в одиннадцать минут, на такте, мир у него перед глазами на долю секунды становился белее. Зимой это проходило почти незаметно, а весной белое ложилось поверх белого, и глаза начинали слезиться. Очки посоветовала Галина Петровна. В очках, с сединой на висках и белой ниткой на запястье, Иван, по мнению Толяна, смахивал на «итальянского мафиози на пенсии, которого сослали в Россию за доброту».

Совпадение в покое держалось на тридцати одном проценте всю зиму, голова не болела, и это было хорошо. Плохо было другое, и знали про это только Толян с Майей: иногда его уносило.

Не каждый такт, а раз в два-три дня. Мир белел и не отпускал через долю секунды, а держал, и Иван оказывался где-то

не здесь, впрочем, недалеко: на краю Города, в тёплом гуле, похожем на вечерний двор, когда все окна нараспашку. Стоял там и ничего не хотел. Потом белое отпускало, и он снова обнаруживал себя на кухне, в автобусе или у раковины с недомытой чашкой в руке. Пять секунд, иногда десять. Возвращался он не потому, что хотел, а потому, что отпускало, и вот это пугало больше всего. Человек, всю жизнь знавший, где у него что лежит, понятия не имел, куда деваться в эти секунды и что будет, если однажды не отпустит.

— Явился! — крикнула баба Клава с седьмого. — Бери ведро. Белить будешь.

В ведре была известь, разведённая с вечера, и широкая кисть. Белить полагалось тополя вдоль дорожки, до пояса и ровно, «как в армии», хотя в армии баба Клава, насколько известно, не служила.

На третьем тополе пришёл такт.

Иван стоял с кистью у ствола, когда мир побелел и не отпустил. Двор поплыл, а вместо него проступил другой, тёплый, гудящий, с горящими окнами. Иван смотрел на эти окна, и было ему хорошо, и про кисть в руке он напрочь забыл.

Когда отпустило, кисть висела в опущенной руке, известь с неё капала на ботинок, и пятно там было уже с ладонь. Рядом стоял Аркадий со стремянкой на плече и смотрел.

— Шесть секунд, — сообщил он. — Я считал. Ты как памятник стоял, только капал.

Иван спросил, видно ли со стороны. Аркадий сказал, что

видно, подумал и добавил, что кисть надо класть, когда чувствуешь: он на складе так погрузчик глушит, когда надо отойти, мало ли что. С тем и ушёл к следующей берёзе.

Аркадий был прав, только Иван ни разу ничего не почувствовал заранее.

Толян пришёл к одиннадцати, прямо с совещания.

Совещание у него было в девять утра в субботу, в офисе «Уют-Сервиса» на первом этаже соседнего дома, и гордился им Толян так, как другие гордятся дипломом. С января он работал в управляющей компании «консультантом по конфликтам». Должность придумали специально под него. Директор, Галина Эдуардовна, сначала прочитала «Подъезд», потом узнала, что Толян за один вечер помирил двух соседей из пятого дома, девять лет судившихся из-за парковочного места, и позвонила сама.

Мирил он, впрочем, не всегда и рассказывал об этом честно, что Ивану в нём особенно нравилось. На прошлой неделе Толян полчаса слушал пенсионера с третьего этажа, жаловавшегося на соседку, и всё это время был уверен, что тут ревность. Оказалось, соседка каждую весну заливала пенсионера и ни разу не извинилась, а пенсионер был просто зол. Обиду Толян услышал верно, а историю к ней придумал свою, и история вышла не та. «Слышу я хорошо, — сказал

он тогда, — а понимаю как получится».

На вопрос о совещании он рассказал, что Тамара из бухгалтерии обиделась на Ольгу из диспетчерской, и он, Толян, решил, что из-за Восьмого марта, мол, не поздравила. Пошёл к Ольге, а Ольга говорит: поздравила, открытку на стол положила. Открытку, как выяснилось, выкинула уборщица.

— Так что я опять мимо, — заключил Толян и поправил на голове Петину клетчатую кепку, которую носил с ноября. — Хорошо хоть, открытку нашли. В мусорке у лифта. Помирились сами, уборщице выговор.

Потом он посмотрел на ботинок Ивана, на белое пятно, потом Ивану в лицо, и спросил только: «Было?» Иван сказал, что шесть секунд. Толян ничего не ответил, просто постоял рядом, плечом к плечу, как стоят с человеком на остановке, когда автобус опаздывает, а потом отправился таскать мешки и велел Ивану не белить у самой дорожки, где носятся дети на самокатах.

Майя пришла в двенадцать, в сером шарфе, который мама Ивана связала ему прошлой осенью и который с декабря как-то сам собой перешёл к Майе. В руках у неё была трёхлитровая банка из-под огурцов с наклейкой, выведенной её ровным почерком:

«ШТРАФЫ ЗА КРАСИВО.

Метафора — 10 р.

Афоризм — 20 р.

Слово „судьба“ — 50 р.

Рецидив — вдвое».

Банку она поставила на лавочку и объявила, что Иван всю зиму писал ей красиво, а она терпела, но с сегодняшнего дня всё, штраф, деньги пойдут Аркадию на бензин. Иван возразил, что ничего ещё не сказал. Майя достала телефон и зачитала утреннее: «Весна — это когда город вспоминает, что он живой». Десять рублей.

В кармане у Ивана нашлось восемь. Он высыпал, и Майя записала долг в телефон. Жанна подошла, прочитала наклейку, хмыкнула и заявила, что это цензура. Майя возразила, что цензура бесплатная, а тут платно, разница существенная. Жанна подумала и сунула в банку сотню «на месяц вперёд». Больше к банке в тот день никто не подходил.

Когда Иван отставил ведро, Майя села рядом и тихо сказала, что Аркадий ей уже доложил.

— В четверг было четыре, — сказала она, глядя на скворечник. — В понедельник три. Ты записываешь?

Иван сказал, что записывает. На вопрос, растёт ли, он не ответил, и Майя кивнула так, как кивают, когда ответ ясен и без слов.

К обеду баба Клава всё-таки спустилась. Колено отпустило, а мужики из шестой квартиры тем временем начали складывать мешки с листьями к гаражу вместо мусорки. Она разобралась сперва с мешками, потом с мужиками, потом опустилась на лавочку рядом с Иваном, вытянула ногу и общилась, не глядя на него:

— Сквозит у тебя.

Иван спросил, где.

— На кухне. Я вчера заходила, ключ-то у меня есть, цветок твой полить, ты ж не поливаешь. Стою у плиты, а над плитой сквозит. Окно закрыто, форточка закрыта, вытяжка выключена, а сквозит, тёплым, как из подъезда с мороза. — Она пошевелила ногой. — И колено. Раньше ныло на северо-восток, туда, где этот ваш Озёрный. А с декабря ноет на тебя. Я проверяла: у себя сажусь, у Аллы сажусь, всё на тебя, на твою кухню. Ты знаешь отчего?

— Догадываюсь.

— Ну и ладно, — сказала баба Клава. — Раз догадываешься, разберёшься. Моё дело сказать.

Встала и пошла выяснять отношения со скворечником, который опять висел боком.

А Иван остался на лавочке. В гуле, где горели окна Города, ближе всех горело одно, с лампой и клеёнкой, и он прекрасно

знал, кто там сидит. Знал с тринадцатого декабря. Всю зиму он обходил это окно взглядом, как обходят дверь, за которой спит человек, которого непонятно, как будить, да и стоит ли.

Курьер появился в начале второго: молодой человек в синей куртке, с планшетом и хорошими манерами. Спросил у калитки Ж. А. Кравцову. Жанна выпрямилась, поправила шляпу, расписалась с завитком и только потом прочитала.

— Сорок миллионов, — сказала она вслух. — Иск о защите деловой репутации. Истец... благотворительный фонд «Ясный горизонт». Не Консорциум, фонд. Это как?

Майя объяснила, что это значит одно: там сидят умные люди. Консорциума в стране юридически не существует, это вывеска, а фонд существует, вот он и судится.

Ивану курьер вручил повестку свидетеля на четвёртое апреля, на десять утра, пожелал хорошего дня и откланялся.

Копию иска Майя читала стоя, минут пять, сначала конец, потом начало, потом снова конец, и наконец признала, что написано хорошо, без единой ошибки. Ссылаются не на всю статью, а на три абзаца, где она пишет про «подстройку населения» и цитирует ТЗ «Контура». Мол, ТЗ — это черновик, никем не утверждённый, а журналистка выдала черновик за решение.

— Технически они правы, — сказала Майя. — Там «ред.

3», подписи нет. А по существу они его выполняли, только это надо доказать. А всё, что у нас есть, добыто через Ильин доступ, который они назовут незаконным.

Жанна сняла перчатку, медленно, палец за пальцем, и спросила, что будет, если она проиграет. Майя сказала: сорок миллионов. Жанна заметила, что у неё нет и четырёхсот тысяч, у неё есть шляпы, и шляпы она не отдаст. Прозвучало это как шутка, только Жанна при этом не улыбалась.

Письмо пришло Ивану на телефон, пока он отмывал кисть под краном у гаража:

«ООО „Нейросфера“. Уведомление о проведении внеплановой проверки. Основание: обращение фонда „Ясный горизонт“ о возможном нарушении порядка медицинской сертификации изделий (шлемы ЭЭГ-мониторинга, серия „Р-120“). Срок начала проверки: 3 апреля. На время проверки рекомендуется приостановить отгрузку изделий серии „Р-120“».

Майя прочитала через его плечо. Шлемы на сто двадцать, те самые, что стояли у них на Шри-Ланке и в «Озёрном», купленные ими же через «Clear Horizon Medical». А теперь, выходит, проверяют Ивана за то, что он им их продавал.

— Хорошо сделано, — сказала Майя без всякой злости.

Иван подумал, что впервые слышит от неё про Консорци-

ум что-то похожее на уважение, и от этого стало неуютнее, чем от любой угрозы.

К вечеру двор был чистый. Тополя стояли белые до пояса, все ровно, кроме третьего, у которого на высоте ботинка красовалось лишнее пятно. Скворечник висел с креном, и Аркадий, отходя на три шага, склонял голову набок, чтобы тот казался прямым.

Иван поднялся к себе один, поставил чайник и снял очки.

На дверце холодильника, под магнитом-апельсином, когда-то подаренным Светочкой, висел клетчатый листок, вырванный из тетрадки. Его, Иванов, почерк, мелкий, чуть наискось:

«Купи сметаны. Мама любит».

Ничего такого он не писал. Утром листка не было, он пил кофе у этого самого холодильника и видел под апельсином только старый счёт за интернет. Иван пересчитал корешки в своей тетрадке «Город за точкой (пока)»: все листы на месте. Бумага у записки была такая же, в клетку, только чуть желтее, как полежавшая на солнце. Сметаны в холодильнике, разумеется, не оказалось.

И тут Ивана кольнуло другое. Он понятия не имел, любит ли мама сметану. Мама приезжала раз в две недели, привозила банки, увозила банки, а что она сама любит, он, тридц-

цатилетний сын, так ни разу и не поинтересовался. А тот, кто писал записку, знал.

Он позвонил маме и спросил прямо. Мама удивилась, сказала, что любит, всегда любила, и поинтересовалась, с чего вдруг. «Так, подумал», — сказал Иван. «Ну раз подумал, так купи, — сказала мама. — Я в воскресенье приеду, у тебя ж вечно ничего нет».

Потом пришёл Толян. Иван молча протянул ему листок. Толян повертел его, приложил к груди и постоял так с закрытыми глазами секунд десять, после чего честно признался, что ничего не слышит: бумага как бумага. Думал, оттуда, а не слышно. Может, и не должно быть слышно. Может, это не ему.

За сметаной сходили вдвоём, и Толян заодно взял себе кефир, который пил с октября, «как люди в санатории».

Дома Иван открыл тетрадку и записал то, что записывал всю зиму, столбиком, как показания приборов:

«25 марта. 10:52. Двор, у тополя. 6 сек. Не почувствовал заранее. Вернулся не сам: отпустило. Кисть в руке не помнил».

Выше на странице было: «23 марта. 3 сек. Автобус». «19 марта. 4 сек. Кухня». «12 марта. 3 сек.». Цифры ползли вверх неровно, но ползли. Иван посмотрел на них, как когда-то смотрел на графики пациентов, и подумал то, что подумал бы про любого пациента: надо понять механизм, пока не стало хуже.

Банку он поставил в холодильник, а под чужой запиской своим почерком приписал: «Купил. Откуда ты знаешь?»

Утром его вопрос был на месте. Под ним тем же почерком, только ровнее, стояло одно слово: «Спасибо».

Ответа на вопрос не было.

Глава 2

Адвоката нашла Майя, и искала она его неделю. Обзвонила двадцать контор. В девятнадцати ей вежливо объяснили, что дела против фонда «Ясный горизонт» «сейчас не берут, загрузка». В двадцатой трубку снял пожилой мужской голос, выслушал её до конца, подумал и спросил, понимает ли ответчица, что может проиграть. Майя сказала, что понимает. «Тогда беру, — сказал голос. — Те, кто не понимает, мешают работать. Семён Маркович. Завтра в девять, с документами, все оригиналы, никаких пересказов».

Семён Маркович оказался маленьким, сухим и лысым человеком лет семидесяти, в вязаном жилете горчичного цвета и с портфелем, который, похоже, помнил ещё советские суды. Говорил он мало, а читал быстро. «Подъезд» одолел за двадцать минут, отложил и вынес приговор: статья хорошая, но в ней три плохих абзаца, и именно на них истец и ссылается. Цитировать черновик как решение было ошибкой, причём не моральной, а юридической. «Будем с ней жить», — заключил он. Майя покраснела, однако спорить не стала, что для неё было почти подвигом.

Проверка явилась в понедельник, третьего, в девять ноль-ноль.

Их было трое, две женщины и мужчина, с одинаковыми синими папками и одинаково приветливыми лицами. Предъявили удостоверения Росздравнадзора, предписание и опись намеченного к изучению на одиннадцати страницах.

Светочка встретила их, как встречала всех, с пряником на блюде. Одна из женщин пряник взяла, поблагодарила и положила на край стола нетронутым. Светочка потом говорила Ивану, что вот это и было страшнее всего.

Сидели они до шести. Сняли копии со всех сертификатов на шлемы серии «Р-120», переписали номера отгруженных изделий за три года, а с особым интересом изучили шестнадцать комплектов, проданных «Clear Horizon Medical» за полгода до сияния. Мужчина спросил, указал ли покупатель назначение. Иван ответил, что указал: клинические испытания, мониторинг пациентов в состоянии изменённого сознания. Мужчина спросил, проверял ли Иван, есть ли у покупателя лицензия на такие испытания. Иван подумал и сказал правду: не проверял. Мужчина записал это с тем же выражением, с каким записывают температуру воздуха.

Уже в дверях старшая из женщин, полная, с усталым лицом, задержалась и вполголоса сообщила, что она Ивану ни-

чего не говорила, но обращение на него пришло не по почте: его привезли курьером, с сопроводительным письмом от заместителя министра. Дочь у неё «Подъезд» читала, а сама она не успела, некогда, но пусть Иван Викторович будет поосторожнее.

И ушла, оставив пряник на столе.

Светочка его выбросила, потом достала из мусорки, завернула в салфетку и убрала в ящик стола. На память, объяснила она, чтобы помнить, что бывают на свете люди, которые не едят пряников. Пряник пролежал в ящике до самого закрытия фирмы и, по словам Светочки, ничуть не зачерствел, потому что и тут оказался принципиальным.

Районный суд стоял на тихой улочке за рынком: жёлтое здание с облупленными колоннами и голубями на ступенях. А перед ступенями в четверг, четвёртого апреля, стояли бабушки.

Было их человек сорок, и половину Иван знал в лицо по очереди за «Шпилькой» и по наклейкам «Не соглашайтесь», которые они с осени лепили на все остановки. Плакаты у них были самодельные, на картоне от коробок: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ ЖАННЫ», «ПОДЪЕЗД ПРАВ», «МЫ ЧИТАЛИ». У самой старенькой, в пуховом платке, плакатик был совсем крохотный: «Я ТОЖЕ НЕ СОГЛАСНАЯ».

Через дорогу на крыше аптеки висел новый рекламный экран. Молодая мама, детский столик, а на столике белый цилиндрик поменьше прежних, с розовым кольцом: «Ника-3. Нянька. Споёт, расскажет, посидит. Пока вы на работе». И мелко внизу: «Бесплатно для семей с детьми».

Толян отметил, что колонка розовая. Майя отметила, что «согласитесь» они больше не говорят, а говорят «посидит», и это, на её вкус, гораздо хуже.

Жанна подъехала на такси без пяти десять, и бабушки встретили её аплодисментами. Явилась она в чёрном пальто до пят и в чёрной шляпе с вуалью до подбородка, шепнула Ивану, что это на вход, а в зале она снимет, потому что Семён Маркович сказал, что судья шляп не любит. Семён Маркович, проходя мимо, уточнил, что сказал он другое: судья не любит цирк. Жанна заявила, что это одно и то же, но шляпу в зале всё-таки сняла.

Зал оказался маленьким и душным, с жёлтыми стенами. Скамейки заняли свои: Майя, Толян, Галина Петровна с тетрадкой, Лена с Аркадием, Лидочка, отпросившаяся со смены. Бабушек пристав пустил десятерых, «в пределах вместимости».

На стороне истца сидел один-единственный человек. Артур Вениаминович был высокий, худой, в хорошем сером ко-

стюме и с хорошей стрижкой, а перед ним лежала аккуратная стопка бумаг, сшитая, пронумерованная, с разноцветными закладками. С Семёном Марковичем он поздоровался за руку, как здороваются люди, давно знакомые по другим делам. Майя шёпотом спросила, знакомы ли они. Семён Маркович так же шёпотом ответил, что мальчик у него практику проходил в двадцать шестом году, толковый, очень толковый, и это плохо.

Толян разглядывал Артура Вениаминовича долго и прищурившись, а потом доложил, что тот спокоен совершенно: ему не страшно и не скучно, он просто работает.

Ровно в десять вошла судья, Зинаида Павловна, дама лет шестидесяти в мантии, с очками на цепочке и с лицом человека, который в этом зале видел решительно всё. Оглядела публику и сообщила, что публика, она видит, подготовилась, но плакаты пусть оставит в коридоре, здесь не митинг. Бабушки плакаты вынесли. Бабушка в пуховом платке свой крохотный сунула под скамейку и сделала вид, что его нет, а Зинаида Павловна сделала вид, что не заметила.

Позицию истца Артур Вениаминович изложил за пятнадцать минут и изложил хорошо. Иван, слушавший его с неприязнью, через пять минут поймал себя на том, что ему интересно.

Статья «Подъезд» опубликована в ленте ответчицы. В статье утверждается, что фонд «Ясный горизонт» и связанные с ним структуры планировали «фазовую подстройку населения» для «управления информационным полем». В доказательство цитируется документ «ТЗ „Контур-47“, ред. 3», который не подписан, не утверждён, является рабочим черновиком одного из подрядчиков и получен лицом, не имевшим на то права, через учётную запись, использованную с превышением полномочий. Истец просит признать сведения не соответствующими действительности, обязать ответчицу опубликовать опровержение и взыскать сорок миллионов за репутационный вред, подтверждённый письмами партнёров о расторжении договоров. Писем было четырнадцать. Он передал их секретарю и сел.

Семён Маркович не торопился. Посидел, полистал свои бумаги и только потом поднялся. Коллега прав, сказал он, ТЗ не подписано, и оспаривать это защита не собирается. Защиту интересует другое: кто, собственно, истец?

Зинаида Павловна подняла бровь и напомнила, что истец указан: фонд «Ясный горизонт».

— Указан, — согласился Семён Маркович. — Только статья пишет про Международный консорциум стабильности поля, который у нас не зарегистрирован, налогов не платит и юридически, выходит, не существует. А фонд утверждает, что статья порочит его репутацию. Значит, по мнению фонда, Консорциум и фонд одно и то же, или фонд за Консор-

циум отвечает. Тогда пусть покажет, кто в нём решает. Простим истребовать устав фонда и протоколы заседаний совета за прошлый год, включая состав совета на дату решения о запуске на Шри-Ланке.

Артур Вениаминович возразил, что внутренние документы фонда к предмету спора не относятся. Семён Маркович ласково напомнил, что коллега сам их принёс: четырнадцать писем о том, что фонд потерял репутацию из-за статьи про Консорциум. Значит, либо фонд и есть Консорциум, либо письма не о том.

Зинаида Павловна что-то долго писала, а потом сказала, что разберётся, и вызвала свидетеля Прошкова.

Ивану напомнили об ответственности за заведомо ложные показания. Он сказал, что понимает. Судья поинтересовалась тёмными очками, и он предъявил справку от невролога Гаврилова, написанную за пять минут: «фотофобия неясного генеза». Справку прочитали и приняли.

Семён Маркович спрашивал коротко. Видел ли свидетель техническое задание? Видел, на портале, через доступ консультанта Ильи Сергеевича, выданный самим подрядчиком и так и не отозванный. Было ли там про «фазовую подстройку населения»? Было. Был ли свидетель в ноябре на объекте «Озёрный-7» в качестве «удерживающего звена»? Был,

по приглашению инженера Ветрова, научного руководителя программы. Совпадало ли происходившее на объекте с текстом ТЗ? В основном совпадало.

Потом поднялся Артур Вениаминович и заговорил негромко, без всякого нажима. Видел ли Иван Викторович подписанный приказ об исполнении ТЗ? Нет. Видел ли он, чтобы «Ники» синхронизировали именно людей, а не колонки?

— Я видел... — начал Иван, и тут пришёл такт.

Почуял он его, как обычно, на долю секунды раньше: лампы под потолком стали белее. Только белое на этот раз не ушло. Зал поплыл, а вместо него проступил другой, тёплый и гудящий, с окнами. Иван стоял там и не помнил ни вопроса, ни того, что он свидетель. В одном окне, ближнем, горела лампа над клеёнкой, и кто-то за столом поднял голову, и Ивану хотелось туда, и не хотелось, и он так и стоял.

Когда отпустило, он обнаружил, что держится за трибуну обеими руками. В зале стояла тишина. Зинаида Павловна смотрела вверх очков, Артур Вениаминович на часы.

— Девять секунд, — сообщил он, ничуть не повышая голоса. — Ваша честь, прошу занести в протокол: свидетель девять секунд не реагировал на вопросы, и это видели все присутствующие. Добросовестность свидетеля я под сомнение не ставлю. Однако свидетель сам заявляет, что находился в «резонансе с полем», что у него в мозге образование неясной природы и что он «видит Город за точкой». Истец

ходатайствует о признании показаний в части оценок и интерпретаций недостоверными, как данных лицом, чьё состояние не позволяло объективно воспринимать происходящее.

Бабушка в пуховом платке тихонько охнула.

Зинаида Павловна спросила, что это было. Иван снял очки, вытер глаза, надел обратно и ответил, что это особенность его состояния, он её не скрывает, но на объекте он видел приборы и цифры на экранах, а цифрам его состояние безразлично.

Судья подумала и удовлетворила ходатайство частично: показания о том, что свидетель «видел» в ином, она поискала слово, «восприятии», суд не учитывает, а показания о документах и приборах учитывает. Иван сел. Майя, не глядя на него, взяла его за руку и не отпускала до конца заседания, и рука у неё была холодная.

После перерыва Зинаида Павловна огласила решение по ходатайству защиты: обязать истца в четырнадцатидневный срок представить устав фонда и полный состав его совета на дату принятия решения о запуске на Шри-Ланке, с фамилиями и должностями, включая участвовавших дистанционно. Заседание отложить на двадцатое апреля. Артур Вениаминович кивнул, записал, и лицо у него ничуть не изменилось.

В коридоре Семён Маркович подвёл итог: ничья, и ничья

хорошая. Защита потеряла половину свидетеля, истец потерял совет. Майя возразила, что совет он не потерял: пришлют, только так, что лучше бы не присылали. «Наверное, — согласился Семён Маркович. — Я же говорил, толковый мальчик».

Тут у Жанны зазвонил телефон. Она послушала, побледнела и показала экран Майе: лента «Жанна. Без цензуры» недоступна, «ресурс временно ограничен по требованию». Пока шло заседание, кто-то позаботился.

Через час ленту вернули без всяких объяснений, но за этот час, как потом подсчитал Илья, от Жанны отписались сорок тысяч человек, решив, что её закрыли насовсем. Жанна стояла на ступенях без шляпы, смотрела на розовую «Никку» через дорогу и рассуждала вслух, что собирала их двадцать лет. Ничего, вернутся. Девочки всегда возвращаются, когда понимают, что их обманули. Не сразу, но возвращаются.

Артур Вениаминович догнал Ивана у выхода, один, с портфелем, остановился на ступенях рядом и попросил минуту, не для протокола. Смотрел он при этом не на Ивана, а на голубей. Толян, стоявший рядом, удостоился такого вежливого взгляда, что отошёл на три шага сам.

— Я читал вашу работу, — сказал Артур Вениаминович.

— Ту, за которую вас высмеяли. Я не учёный, но понял, что вы правы. К делу это не относится. Относится вот что. Сегодня суд видел девять секунд. Следующее ходатайство будет о судебно-психиатрической экспертизе, по проверке вашей фирмы. Если эксперт напишет, что руководитель предприятия, выпускающего медицинские изделия, периодически теряет связь с реальностью, фирму закроют. Не за шлемы, Иван Викторович. За вас.

Иван спросил, зачем он ему это рассказывает.

— Затем, что делать это буду я, — спокойно ответил Артур Вениаминович. — Мне поручат, я сделаю, и сделаю хорошо. Хочу, чтобы вы знали заранее, мне так честнее. Лечитесь. Или научитесь это контролировать. До лета.

Кивнул и ушёл к машине.

Толян вернулся и признал, что тот не врал, а больше ничего сказать не может: не слышно, гладко, как вода в стакане. «Он не стеклянный, Ваню, — добавил Толян. — Он просто так умеет».

Майя позвонила в девять вечера. Весь день она молчала, и Иван понимал почему: держала его за руку в зале и ничем не могла помочь. Без всяких приветствий она сообщила, что посчитала по его журналу с декабря: если линия пойдёт, как идёт, к июлю выйдет минута, а к сентябрю пять. Иван сказал,

что тоже посчитал. Майя сказала, что не хочет, чтобы однажды он встал посреди улицы на пять минут. Иван сказал, что тоже не хочет.

— У Жанны в комментариях, — сказала Майя после паузы, — с зимы пишет одна женщина с Белого моря. Что у них старухи «туда ходят и сами назад приходят». Я думала, сумасшедшая. Напишу ей.

На кухне Иван открыл тетрадку и записал:
«4 апреля. 11:41. Суд. 9 сек. Под вопросом. Не почувствовал. Отпустило само».

Подумал и добавил ниже:

«Срок: до лета. Научиться возвращаться самому. Иначе закроют фирму, а потом и всё остальное».

Под апельсином на холодильнике висела утренняя записка его почерком: «Не забудь: у Светочки в пятницу день рождения». Он, конечно, забыл. Он даже не знал, что у Светочки день рождения в апреле. А тот знал.

Иван приписал снизу: «Ты можешь вернуться, когда захочешь?»

Утром под вопросом стояло: «Нет. Я не умею. Ты тоже». И ниже, помельче, как пишут то, что стыдно писать крупно: «Ты хотя бы попробуй».

Глава 3

Гараж оттаял на неделю позже двора. Стоял он в низинке и весь март исправно собирал в себя чужую талую воду, так что Аркадий два вечера вычерпывал её ведром, а третий сушил пол строительным феном. Фен работал без розетки, от поля, и на такте гудел чуть громче, будто тоже радовался весне.

Штаб возвращался на место по частям. Илья притащил два ноутбука и моток проводов. Галина Петровна привезла на «жигулёнке» школьную доску, на которой осенью рисовала пеленги, и прислонила её к стене рядом с отцовской топокартой Аркадия, где карандашом был обведён квадратик «Озёрный-7». Лидочка принесла электрочайник. Майя явилась последней, с распечаткой, которую утром переслал Семён Маркович, и сообщила, что прислали раньше срока: суд дал четырнадцать дней, а они уложились в шесть. Толян предположил, что это чтобы выглядеть прилично. Майя сказала, что это чтобы защита не успела подготовиться к двадцатому.

Распечатка была на бланке фонда, без единой опечатки, и называлась «Сведения о составе Совета фонда по запросу суда». Строк в ней было одиннадцать. Семь заполнены честь по чести: фамилия, имя, отчество, должность. А с восьмой по одиннадцатую везде одно и то же: «Сведения не подлежат

раскрытию. Врачебная тайна (ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ). Согласие субъекта на раскрытие не получено».

Иван обратил внимание, что тайна врачебная, не государственная и не коммерческая. Майя пересказала мнение Семёна Марковича: всё законно. Если член совета участвовал в заседании, находясь на лечении, и связь шла через медицинское учреждение, фонд вправе молчать. Суд проверит, но не раньше лета.

— Мы узнали, что они больны, — сказала Майя. — И больше ничего.

Галина Петровна выписала семерых на доску крупным учительским почерком с наклоном:

- «1. Горюнов Пётр Ильич. Бывш. замминистра энергетики.
2. Лукьянов Вадим Сергеевич. Гендиректор „Энерго-сбыт-Плюс“.
3. Брандт Эмма Карловна. Пред. правления банка „Северный капитал“.
4. Ригер Леонид Аронович. Академик, рук. научной секции.
5. Осс Хенрик. Международная энергокорпорация.
6. Камышев Георгий Аркадьевич. Медиахолдинг („Шпилька“).
7. Ренар Филипп. Международный комитет по энергобез-

опасности».

Под седьмым она провела черту, нарисовала четыре квадрата и, подумав, закрасила их мелом. Аркадий заметил, что вообще-то они чёрные. Галина Петровна объяснила, что на доске всё наоборот, мел белый.

Час просидели над доской. Илья выудил всё, что лежало в открытом доступе. Горюнов после «Подъезда» ушёл со всех постов и завёл блог про рыбалку на Волге, сорок тысяч подписчиков, и в каждом ролике фигурировал один и тот же лещ. Лукьянов не давал интервью десять лет и после статьи традицию не нарушил. Осс и Ренар через неделю после публикации вышли из совета «по состоянию здоровья». Ригер молчал. Камышев на все вопросы журналистов отвечал одной фразой: «Я всегда действовал в интересах читателей».

Ригера Иван узнал по бородке на фотографии и сказал только одно слово: «Табуретка». Полтора года назад на симпозиуме этот человек спросил его про информационную составляющую табуретки, и зал смеялся, а как зовут остряка, Иван тогда так и не узнал. Толян поинтересовался, легче ли теперь, когда узнал. Иван ответил, что хуже: академик не дурак, и смеялся он не по глупости, а потому что ему так было удобно.

Жанна, пришедшая позже всех в своих сапогах цвета фуксии, долго смотрела на шестую строчку. Оказалось, что у Камышева в журнале она двенадцать лет вела колонку «Звёзды и шляпы», пока он не уволил её по телефону со слова-

ми «Жанна, ты устарела». И голосовал он, по её глубокому убеждению, «за», можно не проверять: он всегда голосует за тех, кто больше платит. Майя возразила, что знать этого Жанна не может. «Деточка, могу, — сказала Жанна. — Я на него двенадцать лет работала».

Лидочка всё это время молчала у чайника, а потом достала из сумки свою станционную тетрадку и положила на верстак. У неё, сказала она, тоже есть цифры, только она не знала, кому показать.

Вела она их с декабря. Такты она записывала три года, а это было другое. Всякий раз, когда на станцию приходил запрос из областной больницы «о возможной связи состояния пациента с полем», Лидочка заносила в тетрадку дату и фамилию. Осенью таких запросов было девять, а с декабря по апрель ещё одиннадцать.

Галина Петровна, глянув на столбик, сказала, что это новые пустые, после декабря. Лидочка поправила: не совсем пустые, не как Николай Степанович. Эти не сразу. Сначала начинают задерживаться на такте, на секунды, и родственники думают, что человек просто задумался. Потом на минуту. А потом однажды не возвращаются. У одного жена так и написала в заявлении: «Он стал уходить в себя на такте, всё дольше, а в марте не вышел».

Фен на полке молчал, такта не было, и в гараже стало очень тихо.

Иван не поднимал головы от тетрадки. Он чувствовал, что

все сейчас смотрят на него, и видеть их лица ему не хотелось. Он спросил только, сколько у них проходило от первого раза до последнего. Лидочка полистала: по-разному, два месяца, четыре, у одного полгода.

— А у меня с декабря, — сказал Иван. — Четыре.

Лидочка закрыла тетрадку. Она не знала, ей никто не говорил.

— Значит, полгода ждать не будем, — сказала Майя деловым тоном, каким ведут редакционные планёрки. Только пальцы, державшие распечатку, побелели на сгибах. — Лида, перепиши мне все одиннадцать: фамилии, даты, сколько тянулось. Мне нужна кривая. Не для статьи, для него.

С Брандт Майя договаривалась четыре дня. Письма возвращались, звонки упирались в секретаря. На пятый день с незнакомого номера пришло: «Подземная парковка ТЦ „Для вас“. Уровень -2. Сегодня, 19:00. Одна. Без телефона. Э. Б.». Майя пошла одна, а телефон оставила Ивану.

Эмма Карловна Брандт ждала на заднем сиденье тёмного седана в углу парковки, у колонны с номером 41, без шофёра. Женщина лет шестидесяти пяти, широкая, коротко стриженная, в сером костюме. Открыла дверь изнутри, кивнула на сиденье и предупредила, что у неё двадцать минут. Про Майю она, оказывается, всё знала: читала, пишет хорошо, с

документами небрежна. И спросила, чего Майя хочет.

Майя хотела знать, как голосовали. Брандт ответила без запинки: она против, Осс против, Ренар против, Горюнов против. Лукьянов, Ригер и Камышев за. Четыре на три, они выигрывали. Потом подключились окна, все четыре «за», и вышло семь на четыре.

Кто они, Брандт не знала, и, судя по тому, как она это сказала, это была правда. Камеры всегда выключены, голоса через фильтр, имён не называли: «представители крупнейших доноров, пожелавшие сохранить анонимность». И доноры они действительно крупнейшие, больше, чем все семеро вместе взятые.

— А врачебная тайна? — спросила Майя.

— Это я и хотела вам сказать. — Брандт смотрела в бетонную стену. — У меня двадцать лет лежал отец, последние три года на кислороде. Я ездила каждую среду. Я знаю, как говорит человек, которому трудно дышать. Не словами, паузами: где пауза, там вдох. У троих из четверых я слышала эти паузы через любой фильтр. А четвёртый говорил гладко. Очень старый голос, и гладкий, как у человека, которому уже всё равно.

Записывать Майе было нечем, и она запомнила это слово в слово.

Зачем Брандт это рассказывает? Затем, объяснила та, что голосовала против и проиграла, и затем, что Майя всё равно узнает, а лучше от неё, чем от Камышева. Положила Майе на

колени визитку и поставила условие: ничего из сказанного не публиковать, пока она не разрешит, и не писать, где она живёт. Банк содержит детский дом на восемьдесят детей, и ей вовсе не нужно, чтобы у его ворот толпились Майины читатели. Если Майя нарушит, больше она ничего не скажет, «а я ещё много знаю». И взглянула на часы.

Седан выехал с парковки через минуту и фары включил только на уровне улицы.

Саид возник на экране ноутбука в тот же вечер. За спиной у него была московская кухня, и жена время от времени проходила в кадре и махала рукой, не глядя в камеру.

По Саиду, всё было очень просто: бабушка говорила, не знаешь, где колодец, спроси у трёх верблюдов, сколько они шли. Сорок одна миллисекунда от удалённого узла до Шри-Ланки. Сорок одна от окон до Москвы. Одна задержка даёт круг, две дают две точки, нужна третья. И третью он поднял к камере: белый цилиндр, разобранный, с вынутой платой. «Ника» второго поколения, которую Алексей снял с пояса при выписке со словами «выбрось». Саид, будучи учёным, не выбрасывал ничего. Колонка раз в час звонила домой, только не в Москву, а в региональный центр, и в журнале у неё сохранилась задержка от Озёрного-7: сорок девять миллисекунд.

На карте у Ильи расплылись три бледных круга, от Коломбо, от Москвы и от озера, и легли друг на друга не в точку, а в пятно размером с ноготь, на юго-восток от Шри-Ланки, через море. Илья приблизил. Пятно было островом, на острове был город.

Сингапур. «Энергосбыт-Плюс Интернешнл», региональная штаб-квартира в деловом районе, при ней «Центр поддержки инфраструктуры», двадцать шестой этаж. Ни одной фотографии, один адрес. Жена Саида, в очередной раз проходя за его спиной, заглянула в экран, увидела слово «Сингапур» и поинтересовалась, не туда ли он опять собрался, потому что на дачу он собирается с прошлого лета. Саид ответил, что Сингапур по сравнению с дачей ближе, и получил полотенцем.

Майя медленно повторила: четыре окна в Сингапуре, трое больных и один старый, и все рядом с узлом. Галина Петровна дописала на доске под белыми квадратами: «Сингапур. 26 эт. Трое: дыхание. Один: старый, гладкий».

На другой день фирму Ивана опечатали. Не насовсем, а «на время проверки»: двое из Росздравнадзора и полицейский пришли в девять, вежливо вывели Светочку с двумя программистами, наклеили на двери лаборатории и серверной бумажные ленты с печатями и объявили, что отгрузка

приостановлена до окончания экспертизы. Срок экспертизы называть не стали.

Светочка позвонила с улицы. Плакал, по её словам, программист Дима, у которого ипотека, а сама она была злая. Эдуарда, кактус, опечатали вместе с лабораторией, а поливать его надо по вторникам. Она им объясняла, что это кактус, а они ей: «Имущество». Иван сказал, что кактус переживёт. «Кактус, может, и переживёт, — сказала Светочка. — А я не знаю, на что жить».

Иван перевёл ей зарплату за два месяца со своего счёта, Диме тоже, себе оставил на месяц, подумал и перевёл Диме ещё.

Случилось это вечером, в гараже. Все стояли вокруг доски, Майя пересказывала Брандт, Галина Петровна писала, Аркадий грел чайник, а Иван стоял у верстака, опершись на него обеими руками.

Пришёл такт, белое пришло и не ушло, и Ивана унесло. На этот раз не во Двор, а дальше, на тот край Города, где он ещё ни разу не бывал. Длинная улица, окна, только здесь их было меньше и горели они тусклее. В конце улицы стоял кирпичный четырёхэтажный дом, похожий на больничный корпус, и на третьем этаже подряд шли четыре окна с плотными светлыми занавесками. За ними тусклый свет, как ночник в па-

лате, а на каждом окне изнутри висела на шнурке белая табличка, вроде тех, что вешают на дверь гостиничного номера.

Ивану было тихо и тепло, уходить не хотелось, и он не помнил, откуда пришёл и есть ли ему куда возвращаться.

Потом его кто-то потянул за плечи, сильно и грубо, назад. Руки он чувствовал, но далеко, будто сквозь толщу воды, и тянули они не туда, куда нужно, а просто тянули, и белое не отпускало. Отпустило оно само.

Иван стоял у верстака. Толян держал его сзади за плечи обеими руками и дышал так, будто бежал. Галина Петровна, с мелом в руке, смотрела на часы над дверью и объявила, что вышло сорок секунд, она считала. Толян разжал руки, и руки у него тряслись. Тянул он, сказал Толян, изо всех сил, и толку никакого: тело тут, а держаться не за что, как за пустой рукав.

Майя молчала, и лицо у неё было белое.

Иван хрипло рассказал про окна: четыре, в конце улицы, с табличками, как в гостинице, когда не хотят, чтобы входили. Майя про окна не слушала. Она сказала только, что в понедельник было девять.

Галина Петровна подошла к доске и под «Сингапур. 26 эт.» дописала жёлтым мелом: «Иван: 3, 4, 3, 6, 9, 40». Последняя цифра была слишком большой, чтобы её обсуждать, и обсуждать её никто не стал.

Домой Иван пошёл один. Майя хотела проводить, но он сказал «не надо» таким тоном, что она не стала спорить и попросила только позвонить, когда дойдёт. Он позвонил с лестницы.

Дома он даже чайник не поставил. Сел за кухонный стол, разложил тетрадку, ручку и телефон с открытым секундометром и посмотрел на часы: до такта оставалось четыре минуты.

Он решил попробовать сам. Раз его уносит, значит, где-то есть дорога, а раз есть дорога туда, должна быть и обратно. В конце концов, он нейробиолог и десять лет учил людей управлять тем, что считалось неуправляемым: тревогой, болью, мигренью. Метод всегда был один: поймать момент, поймать себя в моменте и найти, за что ухватиться.

Первые два такта прошли впустую: мир побелел на долю секунды и отпустил, Иван даже не успел ничего почувствовать. На третьем он ждать не стал. Сам посмотрел туда, в гул, где горело окно с лампой и клеёнкой, и позволил себе захотеть.

Унесло его мгновенно. Двор, окна, тепло, ровный шум, как вечером на улице, когда все дома. Но на этот раз он помнил, что сидит на кухне, смутно, как помнят во сне, что спят. Это было новое.

Он захотел назад, сильно, из всех сил, как хочет выбраться из воды тонущий. Ничего не вышло: хотение здесь было как крик под водой, внутри оглушительно, а снаружи ничего не меняется. Он стал думать про Майю, про её белое лицо в гараже и про её руку в зале суда. От этого стало тепло, но тепло только прибавляло уюта здесь, в гуле, и уходить хотелось ещё меньше. С мамой вышло то же самое.

Отпустило само. Секундомер показал двенадцать секунд, и Иван записал:

«11 апреля. 23:52. Кухня. Ушёл нарочно. 12 сек. Помнил, где сижу. Хотеть мало. Думать о близких не помогает, даже хуже: там от этого уютнее. Нужно что-то ещё. Что?»

Посидел и посмотрел на холодильник. Под апельсином висела новая записка, которой не было, когда он пришёл, это он помнил точно:

«Не дёргайся там. Я тоже дёргался. Только устаёшь».

Иван приписал снизу: «А что помогает?»

Утром ответа не было. Записка висела, вопрос под ней висел, а под вопросом было пусто, и Иван подумал, что это, пожалуй, и есть ответ: тот, на другой кухне, тоже не знал.

Глава 4

Письмо от академика Ригера пришло обычной почтой, в конверте, надписанном от руки крупным старомодным почерком с длинными хвостами у «д».

«Уважаемый Иван Викторович!

Полтора года назад я задал Вам вопрос об информационной составляющей табуретки. Зал смеялся, я тоже. Пишу, чтобы сказать: я был неправ. Не в вопросе. В том, что не дождался ответа.

Консорциум проводит в Тбилиси Форум культур резонанса. Девиз придумал не я: „Мы слышим“. Я веду научную секцию и приглашаю Вас с докладом. Тему выбирайте сами. Если откажетесь, пойму.

Л. А. Ригер.

P. S. Я знаю, кем Вы считаетесь у Консорциума. Я также знаю, что в совете я голосовал „за“. Вы, вероятно, тоже это знаете».

Майя назвала это ловушкой. Толян, подержав конверт в руках, назвал это совестью, а потом поправился, что, наверное, совестью: он теперь не уверен, что слышит, может, человек просто хорошо пишет. Майя рассудила, что одно другому не мешает.

Заседание двадцатого апреля тем временем отложили: истец попросил рассматривать «врачебную тайну» в закрытом

режиме, и суд взял время подумать. Иван ответил Ригеру, что приедет.

Консорциум оплатил билет только Ивану. Майя полетела за свой счёт как пресса, Толян за свой как «сопровождающий». А к всеобщему удивлению отдельное приглашение от оргкомитета пришло бабе Клаве: «носитель народной практики восприятия фона». Про её колено после «Подъезда» не знал разве что ленивый.

Баба Клава сказала, что поедет, посмотрит на них и покажет им колено.

Летела она первый раз в жизни. Всю дорогу сидела прямо, вцепившись в подлокотники, и смотрела не в иллюминатор, а в спинку переднего кресла, а на посадке изрекла только одно: «Ну и пусть Петя не верил. Правильно не верил».

На регистрации всем выдали бейджи. У Ивана «И. В. Прошков, докладчик», у Майи «М. Рен, пресса», у Толяна после десятиминутных переговоров «А. Ветлугин, сопровождающий». А бабе Клаве, по заявке оргкомитета, напечатали: «К. Ф. Рябинина, староста подъезда». Видно, кто-то там читал «Подъезд» внимательно и решил пошутить. Баба Клава посмотрела на бейдж, надела его молча и проносила все три дня. Иван сперва гадал, понимает ли она шутку, а потом понял: понимает и носит назло.

Форум проходил в старом зале на берегу Куры, с колоннами, балконами и высокими окнами. Над сценой висел баннер «МЫ СЛЫШИМ» на шести языках, а под ним тянулся длинный стол с табличками пятнадцати делегаций.

Сингапур представлял доктор Лим, сухой и аккуратный господин лет пятидесяти пяти в сером костюме, с маленьким деревянным метрономом, который он ставил перед собой и время от времени запускал. Сингапурская программа «Такт» учила людей дышать в лад с фоном, по принципу «измерить значит понять, понять значит управлять». После истории с треугольником Саида Иван присматривался к нему внимательнее, чем к остальным.

От Бутана приехал лама Тензин, маленький, круглый, в бордовой накидке, и с ним четверо звонарей с ручными колоколами. Бутан не построил ни одной установки, однако фон слышали и там, и в монастырях на такте звонили. Звон, по словам Тензина, «не кормит, а здороваётся».

От Сеула была Ора: двадцать лет, розовая чёлка, тридцать миллионов подписчиков и титул «прорицательница», который корейская пресса писала в кавычках, а фанаты без. При ней состояли менеджер, двое телохранителей и сумка с логотипом корейского дистрибьютора «Ники».

Хозяев, грузин, возглавлял Дато, огромный, уса́тый, с го-

лосом, которым можно созывать стадо через долину.

И, наконец, Сторожевые с Белого моря, делегация из одного человека. Высокая женщина лет сорока в простом вязаном платье, с клубком серой шерсти и спицами, которые она не выпускала из рук ни на одном заседании. На табличке значилось: «Община Наволок». Она не выступала, она вязала. Только на такте иногда поднимала глаза и смотрела на Ивана, и он каждый раз чувствовал этот взгляд, как чувствуют прикосновение.

В первый же перерыв она сама подошла к Майе и представилась Устиньей: это она писала в комментариях у Жанны, а Майя ей тогда ответила «пришлите доказательства». Так вот, доказательства здесь, и она кивнула на Ивана у окна: он уходит, она по нему видит, и уходит давно. Майя спросила, может ли она помочь. Устинья сказала, что сама нет, а вот бабушка Агафья может, если успеют. Бабушке девяносто два.

Синхронистов было восемь, по двое на язык, и к обеду первого дня трое сдались.

Нино не сдалась. Синхронистка с грузинского и английского на русский, двадцати восьми лет, тонкая, черноволосая, с усталыми глазами человека, который много лет говорит чужими словами. Толян в первый перерыв оказался у её будки совершенно случайно. Во второй тоже. В третий он

сообщил ей, что она переводит слова, а он то, что под словами, так что они коллеги.

Нино разглядывала его довольно долго, а потом разъяснила, что переводит она то, что человек хотел сказать, слова для этого и нужны, а Толян переводит то, чего человек говорить не хотел. Так что они не коллеги, у них противоположные профессии. И вообще он ей мешает: стоит у будки и дышит в микрофон, так что пусть, пожалуйста, отойдёт.

Толян отошёл. Майя наблюдала всё это от начала до конца и ничего не записала, хотя по лицу её было видно, как ей этого хотелось.

Бабу Клаву поставили на утро второго дня, в секцию «Народные практики восприятия фона», на десять минут. Модератор, гладкая молодая женщина, представила её как «уникальный пример бытовой сенсорики».

Баба Клава вышла к трибуне в своём бейдже «староста подъезда», постояла, оглядела зал и повторила с расстановкой: «Сенсорики». После чего объяснила, что колено у неё правое и ноет с шестьдесят восьмого года всякий раз, когда в поле что-то делают. Она этого не просила и с радостью обошлась бы без него. Кто думает, что это дар, пусть сам так поживёт: это вроде как погоду чуют, только хуже, погоду хоть по радио передают.

В зале засмеялись, а баба Клава даже не улыбнулась и продолжила:

— Вы тут хартию пишете. Орган, координировать. У нас в подъезде тоже был орган, совет дома: председатель, секретарь, казначей. Решали, когда трубы менять. Десять лет решали, а трубы взяли и потекли. И знаете, кто их чинил? Не совет. Сантехник Гена. Пришёл, посмотрел и сделал. Вот и у вас так будет. Пока вы координируете, кто-нибудь просто придёт и сделает. Хорошо, если Гена. А если нет?

И ушла со сцены. Аплодировали жидко. Модератор поблагодарила за «яркий пример», а Ригер в президиуме что-то записал.

Вечером в холле к бабе Клаве подошла Ора и через переводчика спросила, кто такой Гена. Сантехник, объяснила баба Клава, помер в двадцать девятом, хороший был человек, только пил. Ора выслушала, подумала и что-то записала в телефон. На следующий день у неё в ленте на тридцать миллионов появилась корейская фраза, которую Нино потом перевела Толян: «Пока все координируют, кто-нибудь просто придёт и сделает». Про бабу Клаву там не было ни слова.

Конфликт разразился на второй день, на круглом столе «Канал: наука и традиция».

Лим докладывал о «Такте» гладко и убедительно, со

слайдами: синхронизированные граждане меньше болеют и меньше тревожатся. Тензин слушал, склонив голову, а потом заметил через переводчика, что если все шагают в ногу, мост начинает качаться. Лим возразил, что частоту моста они знают. Тензин согласился: частоту знают, а чей это мост, не знают. Модератор от Консорциума поспешно забормотал про «синтез в рамках единого подхода».

И тут Толян во втором ряду рядом с Иваном выпрямился и зашептал, что спорят они вовсе не про мост: Лим за мать боится, она у него почти стеклянная, сидит с метрономом и считает, он её этим и держит, а у ламы учитель полгода молчит. Иван сказал «не надо», но было поздно: Толян уже стоял и громко, без микрофона, как на собрании жильцов, объявлял, что он консультант по конфликтам и может объяснить, про что спор. Доктор вот за маму боится, держит её счётом, а вы...

Лим поднялся с серым лицом и тихо, очень отчётливо сказал что-то по-английски. Нино в будке перевела в зал ровно, без всякой интонации, как переводят приговор: его мать не предмет для публичного обсуждения, права на это он никому не давал и просит модератора удалить этого человека.

Зал замер. Толян стоял красный и смотрел то на Лима, то на Ивана. Потом сказал тихо, но в тишине его услышали все: «Вы правы. Я не имел права. Простите». И вышел сам, не дожидаясь, пока удалят.

Иван нашёл его через полчаса на набережной. Толян си-

дел на парاپете над Курой и, не оборачиваясь, признался, что про мать угадал и всё равно дурак, потому что слышать и говорить это разные вещи. Думал, раз слышит, значит, можно, а нельзя. В «Уют-Сервисе» он так никогда не делает, там он сначала спрашивает, а тут решил, что умнее всех.

Вечером Лим сам подошёл к нему в холле гостиницы. Постоял и сказал что-то коротко по-английски, и Толян понял его без перевода. Потом Лим вынул из кармана метроном и поставил на стол между ними, не запуская, и медленно, подбирая те немногие русские слова, что знал, объяснил: его матери восемьдесят два, она считает, он боится, это правда, но говорить об этом будет он сам. Толян согласился, что не он. Лим кивнул и ушёл, а метроном остался на столе. Толян отнёс его портё и попросил вернуть хозяину.

Нино, проходившая через холл с чемоданчиком наушников, видела всё. Она остановилась у стола и сказала Толяну, что в зале он извинился хорошо, при всех, она переводила. И главное, ничего не добавил, а это редкость, обычно добавляют. Так что завтра он может стоять у будки, только пусть не дышит в микрофон.

Доклад Ивана поставили последним, на вечер второго дня.

Из десяти страниц Майя вычеркнула семь красным ка-

рандашом: «информационный океан», «шёпот вселенной», «граница, оказавшаяся дверью». Штрафовать не стала, объяснив, что доклад не переписка и вычёркивание тут само по себе штраф.

Говорил он двадцать минут: про перекрытие спектров, про такт, про узел, который поначалу принял за опухоль, про то, что информацию в одной стране не запрёшь, как сквозняк в одной комнате, и про то, что двери плодить нельзя. Говорил сухо, и в зале было тихо, потому что все понимали, что это не теория, а то, что с ним было.

Последним слайдом шла фотография табуретки. Обычной, деревянной, некрашеной, гостевой, из гаража Аркадия.

— Меня спросили об информационной составляющей табуретки, — сказал Иван. — Вот она. На ней за зиму сидели пенсионерка, которая чувствует фон коленом, человек, который слышит чужие чувства и иногда ошибается, журналистка, кладовщик, учительница физики и инженер Консорциума, который принёс торт и предложил мне сесть в кресло на Озёрном. Табуретка об этом ничего не знает. Но любой, кто на ней сидел, скажет вам, где она стоит и зачем. Информационная составляющая вещи — это то, что с ней связывают люди. Канал устроен так же. Он не про энергию. Он про то, что мы в него кладём.

Ригер в президиуме поднял руку и задал один вопрос: сел бы Иван в это кресло ещё раз? Иван подумал и ответил, что нет: кресло рассчитано на одного.

«Хартию совместного использования канала» поставили на голосование в восемь вечера. Пункт четвёртый предусматривал «единый координирующий орган», и им, разумеется, становился Консорциум.

Голосовали табличками, и Иван считал. Консорциум за, две делегации, о которых он ничего не знал, тоже за. Сингапур за, после долгой паузы: Лим поднимал табличку, не глядя на Тензина. Сеул за: Ора подняла табличку, менеджер стоял у неё за спиной. И ещё трое за. Против были Бутан, Грузия, Сторожевые (Устинья подняла табличку, не выпуская спиц) и ещё четверо.

Восемь на семь. Модератор объявил, что хартия не принята, потребовалось бы две трети, и тут же, ни на секунду не замешкавшись, гладко прочитал с листа: учитывая важность темы и заинтересованность большинства, оргкомитет учреждает Постоянную рабочую группу по координации, открытую для всех желающих, первое заседание в сентябре, благодарю.

Зал зашумел. Майя тихо заметила, что голосование проиграло, а орган всё равно получили, только уже без голосования. Иван сказал, что восемь за это много. «Это больше половины», — уточнила Майя.

Тут к микрофону подошёл Ригер и сказал, что голосовал

за запуск на Шри-Ланке, все это знают. Двадцать третьего сентября он, как и все, услышал голос, свой собственный, с кафедры, и полгода делал вид, что не слышал. Сегодня он голосовал против хартии. Это мало, но больше он сегодня не может.

Аплодировали немногие. Тензин ударил в колокол, один раз.

Когда все расходились, Устинья нашла Ивана в холле. Встала рядом и смотрела не на него, а на свои спицы. Сегодня его держали, сообщила она, на втором ряду, друг держал за плечо, когда Иван на такте поплыл, она видела. Иван сказал, что всего на три секунды. Устинья провязала ряд и спросила, зачем он руку подаёт.

Иван не понял. Устинья объяснила: там, когда его уносит, он тянет руку назад, как утопающий, чтоб вытянули. Не вытянут. Оттуда не вытягивают, оттуда выходят сами, бабушка объяснит, если доедет. А пока руку пусть не тянет, только устанет.

И ушла, не попрощавшись. Иван посмотрел на свою правую руку. Он не помнил, чтобы тянул её. Но Толян и правда держал его за плечо.

Ночью в гостинице его унесло на двадцать секунд, как раз когда он сидел на кровати и снимал ботинок. Когда отпусти-

ло, ботинок был у него в руке, а шнурок завязан узлом, которого он не завязывал: простым, двойным, ничего не значащим. Или значащим, что двадцать секунд его тело здесь, на Земле, что-то делало само.

Он записал это в тетрадку и позвонил бабе Клаве в соседний номер. Баба Клава не спала: колено ныло на него минуту назад, сильно. Иван сказал, что двадцать секунд. Баба Клава сказала, что так и знала, и велела ему слушать эту Устинью, потому что та дело говорит и не болтает, баба Клава её весь день слушала.

Утром позвонил Аркадий, который заходил к Ивану поливать герань, ключ у него был. На холодильнике, доложил он, записка Ивановым почерком, читать? Иван велел читать. «Четвёртого мая у Саида день рождения. Он не скажет».

Про день рождения Саида Иван ничего не знал, а четвёртое мая было через неделю. Он написал Саиду. Тот ответил через минуту: «Откуда ты знаешь? Я никому не говорю. Бабушка говорила: про день рождения молчи, а то сглазят». И ещё через минуту: «Это он тебе сказал?»

Иван не ответил. Он не знал, что на это сказать.

Глава 5

Дуэль придумал спонсор.

Корейский дистрибьютор «Ники», оплативший тбилисские эфиры Оры, рассудил, что получится красиво: молодая прорицательница с тридцатью миллионами против русской «гадалки по журналу» с полумиллионом, прямой эфир на две страны, вопросы зрителей, кто точнее предскажет завтра, а победительнице контракт.

Жанна прилетела двадцать девятого утром, сама и за свои. Позвонили ей накануне, и она согласилась, не дослушав. Майя поинтересовалась, понимает ли она, что её позвали проиграть. Жанна ответила, что её всю жизнь зовут проиграть, только так и можно попасть в эфир к тридцати миллионам. А вообще она двадцать лет пишет гороскопы, половину выдумала сама и прекрасно знает, как это делается. Ей интересно посмотреть, как это делает девочка.

Эхо-студию Ора устроила в бывшем кинотеатре на правом берегу: темнота, гирлянды, на сцене два кресла, белое и розовое, между ними столик со светящимся шаром. В зале сидели триста фанатов в одинаковых розовых футболках, и

у каждого в руке светящаяся палочка.

Иван, Майя и Толян устроились в последнем ряду, а Саид присутствовал по видеосвязи из Москвы, в Майином ноутбуке, и записывал всё, что поддавалось записи.

Ора вышла под визг, села в розовое кресло и сказала по-корейски короткую фразу, которую Нино, снятая с форума на полдня, перевела Ивану в наушник: «Тише. Сейчас будет такт». Зал затих, триста человек подняли палочки, и через сорок секунд, когда пришёл такт, все триста разом мигнули белым, хотя никто ничего не нажимал. Зал выдохнул хором.

Метод Оры Майя разобрала ещё ночью по её же роликам. Фанаты присылали Оре свои ночные сны через приложение, тысячи в день, команда искала в них совпадения, а на такте Ора «читала завтра» вслух. Подписка три доллара в месяц, восемь миллионов подписчиков, считайте сами.

Дуэль продолжалась двадцать минут. Ора читала завтра из чужих снов, Жанна из майской «Шпильки», которую Галина Петровна писала наяву, а Жанна печатала на свои деньги с тех пор, как Камышев отказался. Счёт в углу экрана был семь к двум в пользу Оры.

На двадцатой минуте Жанна отложила журнал и попросила разрешения задать вопрос: её «завтра» про погоду сбывается? Ора подумала, и Иван видел, что думает она не над ответом, а над тем, зачем её спрашивают. Сказала: иногда. А про девушку, которая завтра скажет «да»? Всегда.

— Вот, — сказала Жанна, и Нино перевела в зал. — По-

тому что девушка уже решила, ещё вчера. Ночью ей это снилось, и тебе приснилось вместе с ней. А дождь ничего не решает, дождь просто идёт. — Она сняла шляпу и положила на столик. — Ты не будущее читаешь, деточка. Ты читаешь, кто что задумал. Это не хуже. Только стоит это не три доллара в месяц, а гораздо дороже. И платить будут не тебе.

Ора смотрела на неё секунд десять, потом перевела взгляд на последний ряд, где менеджер спонсора что-то быстро печатал в телефоне, и спросила по-английски: кому? Тому, кто ставит тебе в студию колонки, ответила Жанна, они ж не просто так бесплатные.

Ора встала, подошла к краю сцены, оглядела триста палочек, свои тридцать миллионов в углу экрана, менеджера и коротко, жёстко бросила что-то по-корейски. Нино после паузы перевела одним словом: «Перерыв». Эфир прервался.

Минут через сорок эфир возобновился, но уже без спонсорского логотипа и без менеджера. Ора теперь сидела в белом кресле, Жанна в розовом.

Ора объявила на камеру, по-корейски и для верности по-английски, что разговаривать они будут иначе: она больше не станет читать зрителям завтра. Пусть зрители сами расскажут, что собираются сделать, а она скажет, что видела, и решать будут они.

Тёплыми чувствами тут и не пахло, это Иван видел ясно. Ора считала. Раньше всех в зале она поняла, что её «предсказания» — это чужие планы и что спонсор продаёт эти планы кому-то ещё, и выбрала: лучше потерять контракт, чем стать витриной. Жанна сидела рядом и не мешала, что для Жанны было высшим проявлением такта.

Через час у эфира было пять миллионов зрителей. Спонсор опубликовал заявление: «В связи с отклонением от согласованного формата сотрудничество прекращено». К вечеру корейские новости это подхватили.

Саид позвонил, когда они сидели в маленьком кафе через дорогу. Он посчитал: восемь тысяч «завтра» Оры за три месяца, всё в открытом доступе. Всё, что зависит от людей, кто что скажет, кто куда пойдёт, что подорожает, потому что кто-то решил поднять цену, сбылось на девяносто один процент. Всё остальное, погода и курсы в те дни, когда никто ничего не решал, на тридцать. Монетка, и та лучше.

Иван сказал, что, выходит, эхо будущего не знает. Знает намерения, подтвердил Саид: ночью задумали, ночью пришло, на такте прочиталось. Бабушка говорила: верблюд не знает, куда пойдёт караван, но знает, куда смотрит погонщик.

Майя долго смотрела в чашку и наконец сказала, что те-

перь понятно, зачем им канал. Кто держит канал, тот видит, что задумали все: министры, банки, избиратели, конкуренты. Не будущее, а планы. Все планы всех людей, каждую ночь. Подстраивать никого не надо, достаточно знать и всегда быть на шаг впереди.

Толян, промолчавший весь вечер, спросил, зачем тогда «Ники». Чтобы снилось чётче, объяснила Майя: колонка стоит у кровати, человек засыпает под неё, сны становятся ровнее, читать легче.

За окном на набережной зажглись фонари.

У Дато их ждали к восьми. Пригласил он ещё в первый день, увидев бейдж бабы Клавы: «Староста подъезда? У меня в деревне тоже есть староста, вам надо познакомиться». Деревня была в Кахетии, в двух часах езды: большой двор с виноградником, длинный стол под навесом и белёная стена старого дома со связками чеснока и перца.

Иван потом думал, что это был единственный вечер за всю весну, когда они просто сидели за столом, без суда, без проверки и без доски с фамилиями.

Стол накрыли на двадцать человек, пришло тридцать. Бабушка Дато, девяностолетняя бабо Мзия во всём чёрном, принесла ещё лавки. Деревенский староста, сухой старик с усами, сел напротив бабы Клавы, и полчаса они молча раз-

глядывали друг друга, а потом через Нино выяснили, что у обоих текут трубы и в обоих случаях виноват совет. Больше говорить им было не о чем, и обоих это вполне устроило. Ближе к ночи, правда, выяснилось, что у старосты тоже есть колено, левое, и ноет оно не на поле, а на председателя сельсовета, когда тот едет из района с новостями. Баба Клава отнеслась к этому со всей серьёзностью и посоветовала прикладывать капустный лист, а староста посоветовал ей чаю внутрь, и оба остались при своём мнении, очень довольные друг другом. Нино, переводившая этот консилиум, потом призналась Толян, что за всю карьеру ей не доставалось диалога, в котором так мало слов и так много смысла.

Тамадой был Дато, тосты шли длинные, через Нино: за гостей, за родителей, за тех, кто едет туда, куда не хочется, потому что надо. После третьего Иван глянул на часы, после пятого показал их Майе. Тосты шли раз в одиннадцать минут, плюс-минус минута. Дато на часы не смотрел ни разу, он вставал, когда подходило время, и время всякий раз совпадало с тактом. Майя шёпотом спросила, знает ли он. Толян сказал, что сам не знает, а тело знает, как у Клавы колено.

Девятый тост Дато поднимал стоя и медленно. Уже стемнело, над столом горели лампочки на проводе. Нино перевела: за тех, кого нет за этим столом, пусть знают, что мы их помним. Все встали, и пришёл такт.

Мир у Ивана побелел, и на белёной стене, где висели чеснок и перец, проступил второй стол, вернее, проступил он за

стеной, будто стена на секунду стала окном в соседний двор, такой же, с навесом. Длинный стол вдалеке, за ним много людей, лиц не разобрать. А с краю жилистый мужчина в майке, с усами, поднимал гранёный стакан.

— Петя, — сказала баба Клава негромко и без всякого удивления. — В майке. Ну конечно.

Видели все. Дато стоял с рогом и смотрел на стену. Бабо Мзия перекрестилась, и Нино перевела Толяну её шёпот: там Гиви, с краю, пятнадцать лет как ушёл.

А в самом конце дальнего стола, отдельно от всех, сидел человек в сером свитере, подперев щеку, и смотрел через стену прямо на Ивана. Лицо у него было Иваново. Перед ним стояла рюмка, но он её не поднял. Только смотрел.

Белое ушло.

Никто не сказал ни слова. Дато медленно выпил рог до дна. Баба Клава села и сложила руки на коленях. Иван тихо сказал Майе, что тот не поднял рюмку. Майя сказала, что видела. Почему, она не знала: может, не был уверен, что ему можно.

Через полчаса, когда стол снова зашумел, Дато тяжело опустился на край их лавки и без всяких предисловий объявил через Нино, что они удивились, а здешние нет. Его в деревне все видели, не каждый раз, но на поминки, на Новый год, если стол хороший. Раньше раз в год, а с прошлой осени чаще, раз в месяц. Старики говорят, стол раздвинулся.

Иван спросил, почему именно на девятом тосте. Дато по-

жал плечами: тосты он не считает, он встаёт, когда стол просит. Это тамада либо знает, либо нет. Дед знал, он знает, а сын его не знает, он в Тбилиси программист. Дед говорил, что тамада держит стол: не еду и не вино, а время, чтобы все были вместе, и живые, и те. Кто держит время, тот и хороший тамада.

— Вы учёный, — сказал Дато. — Вы скажете, что это ваш такт. Я скажу, что это мой дед. Оба правы.

Похлопал Ивана по плечу тяжёлой ладонью и ушёл к столу, где бабо Мзия уже требовала следующий тост.

Минут через пять скрипнула калитка. В ней стоял человек в пальто не по погоде, с портфелем и толстой картонной папкой, седой, высокий, сутулый. Иван узнал его не сразу, а узнав, встал.

Ветров постарел с декабря. Постоял в калитке, оглядел стол, лампочки и Майю, которая смотрела на него не моргая, и объяснил, что был на форуме, сидел в последнем ряду и не подходил. Ему сказали, что они здесь. А нашёл он кое-что про «Сосновый бор», про шестьдесят восьмой год. Клавдия Фёдоровна ведь говорила, что тогда тоже дуло, так вот, она была права.

На папке чернилами было выведено: «1968. Сосновый бор. Объект Н». Дато перевода дожидаться не стал и просто

отодвинул лавку.

Ветров сел, к еде не притронулся, взял только стакан воды, а папку положил перед собой и не открывал, пока баба Клава не спросила, что там у него про Сосновку.

Эксперимент, объяснил Ветров, «информационная стенка», за шестьдесят три года до первого прокола. Руководил его учитель, профессор, у которого он потом учился в семидесятых. Бумаги профессор оставил ему, и сорок лет Ветров их не открывал, думал, старики фантазировали. Там был сотрудник, стажёр: «вошёл в стенку, не вышел, тело не обнаружено». Без имени, одна должность.

Баба Клава долго смотрела на папку, а потом вспомнила. Ей было лет семь, отец работал на лесопилке. Был там один в белом халате, через забор конфеты давал, «Мишку на севере». Она ему рассказывала про ногу, что воет, а он смеялся: «Это ты, Клавочка, нас слышишь». Потом сказали, уехал.

Толян под столом толкнул Ивана коленом и зашептал, что Ветров что-то держит. Не врёт, но держит. Хотя, может, он опять придумывает, после Лима он себе не верит. Иван велел запомнить, потом проверят.

Майя дождалась, пока баба Клава договорит, и спросила ровным голосом пресс-конференции, работает ли Олег Андреевич сейчас на Консорциум. Ветров спокойно ответил, что в ноябре его отстранили, она знает, он частное лицо. Частное лицо на их форуме? Форум открытый, билет он купил сам. И добавил с лёгкой улыбкой, что она ему не верит

и правильно делает, он бы на её месте тоже не верил.

Зачем же он здесь? Ветров положил ладонь на папку и сказал, что Иван Викторович уходит, на такте, он видел в зале три секунды на круглом столе. Он тридцать лет смотрит на людей в поле и знает, как это начинается. И знает, чем кончается, если ничего не делать. В папке то, что делали в шестьдесят восьмом. Может, пригодится. Больше у него ничего нет.

Это было похоже на правду. Иван смотрел на него и думал, что это, наверное, правда и есть, только не вся. Но дальше спрашивать не стал, и Майя тоже.

Устинья, весь вечер молча вязавшая на краю лавки, подняла голову и сказала, что бабушка ждёт до солнцестояния, а потом не дождётся. Пусть приезжает он и тот, кто его будет держать. И снова опустила глаза к спицам.

В час ночи Жанне позвонила Ора. Жанна включила громкую связь, потому что корейского не понимала, переводчик Оры изъяснялся на ломаном английском, а Майя рядом понимала. Юристы спонсора уже прислали претензию: нарушение эксклюзивного контракта, срыв формата, ущерб бренду, два миллиона долларов, срок ответа десять дней. Ора спрашивала, что ей делать.

Жанна долго молчала, а потом велела передать, что у неё

самой сорок миллионов, правда, рублей, и она тоже не знает, что делать. А адвоката найдёт: у Семёна Марковича есть ученики, не все толковые, но некоторые. Майя перевела. Ора долго ничего не говорила, потом сказала одно английское слово, которое Майя переводить не стала, потому что «Окау» перевода не требует.

Ночью, когда гости разошлись, Иван вышел во двор. Стол убрали, лампочки погасили, на белёной стене висел чеснок. Он встал там, где проступал стол, и потрогал шершавую холодную извесь. Спросил шёпотом, почему тот не поднял рюмку. Стена, как и следовало ожидать, промолчала.

Перед сном он записал в тетрадку, только не про стену, а про другое:

«29 апреля. Кахетия. Такт на тосте. Видел второй стол. Вернулся сразу, меньше секунды. Почему?»

Над этим вопросом он просидел долго и наконец вспомнил: в момент такта у него в руке был стакан, полный, Да-то налил. И когда пришло белое, он думал не про стол и не про Петю, а про стакан: сейчас разолью, надо поставить. И поставил, и уже был здесь.

Он дописал: «Держал стакан. Надо было поставить. Это держит? Не человек, не чувство. Простое дело, которое надо закончить руками».

Слово «руками» он подчеркнул и посмотрел на него, как смотрят на гипотезу, которая или очень глупая, или очень верная.

Утром на подоконнике гостиничного номера в Тбилиси, куда они вернулись под утро, лежал клетчатый листок с его почерком. Как он туда попал, Иван не понимал: до сих пор записки появлялись только у него дома, на холодильнике, а тут за две тысячи километров.

«Не знал, можно ли. Там все свои. Я не свой. Я твой. Это разное».

Иван сел на кровать и долго держал листок в руке.

Глава 6

Май прошёл в бумагах.

Экспертиза по проверке «Нейросферы» тянулась без всякого срока, фирма стояла опечатанная. Светочка устроилась на полставки регистратором в поликлинику и по пятницам звонила Ивану сообщить, что Эдуарда так и не выпустили. Программист Дима ушёл в банк, и Иван его не держал.

Двенадцатого мая Артур Вениаминович, как и обещал, подал ходатайство, причём не в суд по иску Жанны, а в арбитраж, по делу о проверке: «О назначении судебно-психиатрической экспертизы руководителя организации в связи с обоснованными сомнениями в его способности осуществлять руководство производством медицинских изделий». К ходатайству прилагалась выписка из протокола от четвёртого апреля: «свидетель на девять секунд перестал реагировать». Экспертизу назначили на второе июля.

Майя спросила, сколько у него сейчас. Иван признался, что в последний раз минута десять, в пятницу, в магазине: стоял у кассы с корзинкой, и кассирша вызвала охрану. Майя сказала, что он ей об этом не говорил. Иван сказал, что вот, говорит. Майя посмотрела на него, ничего не ответила, а через час прислала ему расписание поездов до Архангельска.

Устинья ответила на письмо одной строкой: «Пятого выезжайте. Агафья сказала: до солнцестояния успеете, если не

будете по дороге развлекаться».

Записки на холодильнике в мае появлялись четыре раза: «Возьми зонт», «Светочке позвони, у неё мать в больнице», «Не подписывай, что Артур пришлёт, сначала Семёну Марковичу». А двадцать девятого, после ночи, которую Иван просидел над картой Белого моря, одно слово: «Спи». Иван отвечал, и по утрам под его ответами стояли маленькие галочки. На вопросы, как вернуться, ответов не было.

Ехали двумя машинами. В «жигулёнке» Аркадий за рулём, Лена с картой, а сзади баба Клава с корзинкой клубков и Иван. Белую «Газель» Жанна одолжила у знакомого, и ехали в ней сама Жанна, Майя, Толян, Илья с ноутбуками, Галина Петровна со школьной доской, привязанной к стенке бельевой верёвкой, и Ветров. Ветров попросился сам, за два дня до отъезда, сказав, что если там учат возвращаться, он хочет видеть, как. Майя собиралась ему отказать, но Иван рассудил, что пусть едет: лучше видеть его рядом, чем не видеть вовсе.

До Наволока было тысяча четыреста километров. Первые восемьсот «жигулёнок» прошёл без приключений: с прошлой осени он ездил без аккумулятора, от поля, и на тактах мотор лишь слегка газовал. Но за Каргополем станции кончились. Последняя стояла в райцентре, а дальше на сот-

ни километров ни одной, поле редело, и «жигулёнок» начал покашливать. На сорок втором километре он тихо перестал ехать и докатился метров двадцать до обочины.

Стояла ночь, но светлая, как пасмурный полдень: белые ночи начались ещё под Вологдой. Иван, который давно не мог спокойно смотреть на белое, вдруг поймал себя на том, что смотрит. Небо ровное, жемчужное, лес по обочинам чёрный, а между ними тишина. Это белое не било в глаза, как на такте, оно просто лежало.

Мужчины подняли капот. Ветров заглянул туда и сказал «понятно». Илья предложил запитать машину от ноутбука, Галина Петровна предложила толкать. Аркадий же молча обошёл машину, открыл багажник, отодвинул сумки и достал аккумулятор. Настоящий, новенький, в заводской плёнке.

Под общими взглядами Аркадий признался, глядя в сторону, что купил его в апреле на всякий случай и никому не говорил. Он ведь с осени всем рассказывал, что его «жигулёнок» ездит от поля, гордился этим. А аккумулятор вроде как признание, что не ездит. Лена спросила, неужели он пятьсот километров вёз его и молчал. Аркадий поправил: тысячу триста. Из гордости.

Аккумулятор поставили за пятнадцать минут, и «жигулёнок» завёлся. Лена хохотала так, что ей пришлось сесть на обочину. Баба Клава рассудила, что Петя поступил бы точно так же, только ещё и соврал бы, что нашёл аккумулятор

в лесу.

В Наволок приехали к утру. Посёлок стоял на низком берегу: домов тридцать, серых, высоких, поморских, с резными наличниками, сети на кольях, лодки на гальке вверх днищами. Море было серое и гладкое, без горизонта, и где кончалась вода и начиналось небо, сказать было невозможно.

На причале, на перевёрнутом ящике, сидела маленькая старуха в тёмном платке и мужской куртке и вязала. Рядом стояла Устинья. Когда машины остановились, старуха подняла голову и долго разглядывала приезжих светлыми, почти прозрачными глазами.

— Опоздали на день, — сказала она. — Руки мойте.
Это была Агафья Тимофеевна, девяноста двух лет.

Руки мыли в бочке у крыльца, холодной водой, до локтя, под личным присмотром Агафьи Тимофеевны. Потом всех усадили в избе Устиньи за длинный стол, и Агафья села во главе и объявила, что три раза повторять не будет. Замолчали все, даже Жанна.

— Туда ходят в связке, — сказала Агафья Тимофеевна и

загнула сухой крючковатый палец. — Один не ходит никто. Связка, это когда ты держишь и тебя держат. Это раз. Имя своё держи, там его легко потерять, как варезку. Пока помнишь, кто ты, есть куда идти. Это два. И назад сами. Никто за тобой не придёт и не позовёт, оттуда голос не слышно, как ни кричи. Дорогу назад каждый держит сам. Кто сам не вернулся, тот там и остался. Это три.

Иван спросил, как это, сам. Агафья Тимофеевна посмотрела на него и сказала, что он уже знает, она по нему видит: он стакан ставил, Устинья ей писала. Иван возразил, что стакан был случайно. «Случайно, — согласилась Агафья. — Теперь надо нарочно».

Иван объяснил про экспертизу второго июля: если его там унесёт, закроют фирму, и не только фирму. Сочувствия Агафья Тимофеевна не выразила ни малейшего. Значит, до второго научится, месяц у него есть. Ей бабка за неделю показала, правда, она тогда молодая была и не умная, а умным дольше.

Ветров с конца стола поинтересовался, откуда она всё это знает. От бабки, объяснила Агафья, а бабка от своей. Тут всегда вязали, ещё когда ваших дверей не было. Слышно было плохо, но они слышали, а ходили редко, и кто ходил, учился вернуться. А как понаделали дверей, стало громко, всем слышно, всех тянет. Учиться никто не хочет, все хотят, чтоб позвали.

Учили в сарае, большом, дощатом, с неводами по стенам и лавками кругом. На лавках сидели женщины, наволоцкие, с соседних деревень и с Онеги, человек двадцать, все с клубками.

Своих Агафья Тимофеевна расставила по местам. Бабу Клаву посадила у двери: ты берег, сидишь и вяжешь своё, что бы ни было, а кто там будет искать дорогу назад, тому надо видеть, где берег. Баба Клава уточнила, вроде маяка, только без света? Как берег, повторила Агафья: маяк светит, а берег просто есть.

Майю она посадила в середину круга. Майя глазастая, вот пусть и смотрит на лица: как кто уходить начнёт, лицо меняется, тогда сказать Агафье, только ей. И не звать, ни за что. Позовёшь, он на голос дёрнется, а голоса там нет, вот и потеряется. Майя кивнула, и Иван видел, что для неё это самое трудное из всего.

Илье выделили угол под неводами. Полдня он записывал звук сарая, стук спиц, шорох шерсти, дыхание, а потом показал Ивану экран: вяжут они по такту, сорок петель между тактами, и на такте все спицы на долю секунды останавливаются разом, хотя никто не считает.

Галина Петровна вязала впервые в жизни, держала спицы как указку и за три дня одолела кривую полосу в ладонь.

Жанна поначалу отказалась, сославшись на маникюр, на второй день попросила у Устиньи клубок «для эфира», а на четвёртый уже вязала в уголке безо всякого эфира.

Ветров сидел у стены с тетрадкой и записывал. Однажды Агафья Тимофеевна остановилась возле него и спросила, что он пишет. Методику, ответил Ветров. «Брось, — посоветовала Агафья. — Пишут, когда не понимают». Тетрадку Ветров закрыл, но вязать так и не стал.

Ивана Агафья учила отдельно, на берегу, по ночам, когда все спали, а небо оставалось всё таким же светлым. Майя ходила с ними, и Агафья её не прогоняла.

Задание было простое: сесть на камень, смотреть на воду, на такте уйти, это он умеет, а потом вернуться. На вопрос, как, Агафья ответила вопросом: а как он с работы домой возвращается? Вспоминает, что дома дело есть, и идёт. Не «хочу домой», а дело.

В первую ночь не вышло ничего. Его уносило в тёплый тихий гул, и он думал про дела, про проверку, про экспертизу, про Майю, но всё это оставалось там, за белым, далёкое, как чужая жизнь, и не держало. Отпускало само, через минуту, через полторы. Агафья сказала, что он думает про большое, а большое там не держит, оно там лёгкое. Думать надо про мелкое, про то, что руками.

Во вторую ночь тоже не вышло.

На третью, перед тем как сесть на камень, Иван полчаса помогал Устинье чинить сеть. Она сидела у сарая с иглой и деревянным челноком и латала дыру с полметра, а он подавал нитку и держал край. Дочинить не успели, Агафья позвала на берег. Иван сел на камень, пришёл такт, и его унесло.

Двор, окна, тепло. Он стоял там и ничего не хотел, а потом вдруг вспомнил сеть. Дыра в полметра, не дочинили, края Устинья положила себе на колени, а он держал левый край и сказал «я сейчас вернусь». Глупость, мелочь, совершенно неважная, но своя. Он сам сказал «сейчас вернусь» про эту самую дыру в этой самой сети.

И он повернул. Не сразу и не легко: будто идёшь против течения по колено в воде. Но шаг был его собственный. Белое его не отпускало, это он сам уходил из белого.

Он открыл глаза: камень, вода, Майя в двух шагах, губы сжаты добела, и Агафья Тимофеевна держит её за руку. Майя сказала, что четыре минуты, и голос у неё не дрогнул. Только на руке потом остался синяк от Агафьиных пальцев.

Агафья спросила, сам ли. Иван сказал, что сам, наверное, сеть вспомнил. «Годится, — сказала Агафья и отпустила Майину руку. — Только долго. Завтра быстрее». А Майе сказала, что та молодец, не позвала. Майя призналась, что хотела. «Знаю, — сказала Агафья. — Будешь хотеть всё время. Это твоя работа: хотеть и не звать».

Иван пошёл к сараю и дочинил с Устиньей сеть до конца.

Это заняло час.

Майя в ту ночь спать не пошла. Они сидели на перевёрнутой лодке у воды. Было светло, как в пасмурный день, и тихо, только где-то за мысом кричала птица.

Майя рассказала, что делала эти четыре минуты: считала, вслух про себя, двести сорок раз. На шестидесяти лицо у него стало, как у Валерия Палыча в «Сосновом бору», спокойное и пустое. На ста двадцати она открыла рот, и Агафья сжала ей руку. На двухсотом счёте она решила, что если на двухсот сороковом он не вернётся, она старуху укусит и всё равно закричит.

Иван сказал, что не надо было бы. Майя сказала, что знает, ей объяснили, и она понимает и даже верит. Только она всю жизнь, когда что-то не так, орёт, пишет статью, звонит в редакцию, идёт в суд. А тут надо сидеть, смотреть и ничего не делать, и хуже этого с ней ещё ничего не случилось.

Иван не знал, что сказать такого, что не было бы красиво, а красиво было нельзя. Наконец он признался, что вспомнил сеть, а не её, и спросил, не обижается ли она.

Майя долго смотрела на него, а потом вдруг коротко и устало засмеялась. Обижается, сказала она. Но Агафья права: там она лёгкая, а сеть тяжёлая, а держатся за тяжёлое.

Пчёлкин объявился на девятый день: вышел из рейсового автобуса в тёмно-синем костюме, с папкой, и долго разглядывал «Газель», «жигулёнок» с новым аккумулятором и сарай, откуда доносился стук спиц. Его отправили, сообщил он, бледный и, похоже, действительно ничего не понимающий: областная соцзащита, выездная проверка пенсионеров старше девяноста, шесть деревень. Сам он вообще из другой области, но ему позвонили и сказали: у тебя опыт.

Толян подержал его за локоть, секунду, и честно сообщил Ивану, что не знает: то ли Пчёлкин сам не знает, зачем приехал, то ли знает и хорошо прячет. Он, Толян, теперь не берётся.

Агафья Тимофеевна сама вышла из сарая и расписалась на бланке, что живая. Пчёлкин уехал через три дня следующим автобусом, а за эти дни починил Устинье крыльцо, ни разу не спросил, чем они тут занимаются, и ни разу не позвонил в Москву. Последнее проверил Илья: в Наволоке была одна вышка, и Илья с первого дня смотрел все соединения.

Ветров уезжать не собирался. Каждый вечер он сидел у

стены сарая, теперь без тетрадки, и смотрел. На четвёртый вечер Агафья Тимофеевна сама подсела к нему на лавку с вязанием и, не поднимая глаз, спросила, зачем он приехал. Учиться, сказал Ветров. Агафья возразила, что он не учится: не вяжет, не ходит, не держит, а только смотрит, как они назад приходят, будто ему это для чего-то другого надо.

Ветров признал, что для другого. Есть у него люди, которые туда уйдут, скоро и не по своей воле, и вернуться им будет не к чему, тела их не держат. Он хочет понять, нельзя ли их... Тут он замолчал, и Агафья договорила за него: вернуть. Удержать, поправил Ветров, хоть как-нибудь.

Агафья вязала долго, а потом сказала, что кого тело не держит, того здесь не удержишь. Там можно, там они будут, а сюда нет, и он это знает, он не дурак. Ветров сказал, что знает. А всё равно смотрит, заметила Агафья. Всё равно смотрит, согласился он.

Агафья Тимофеевна закончила ряд, убрала спицы в карман и встала.

— Смотри, — сказала она. — Только помни: кто за других решает, где им быть, тех там не любят. Там это называют «забрать». А там только приглашают.

Она ушла, а Ветров просидел у стены до утра. Иван, проходя ночью мимо сарая, видел его с закрытыми глазами, и губы у него шевелились, будто он что-то пересчитывал.

К восемнадцатому июня Иван возвращался сам за минуту, дважды за сорок секунд и однажды за пятнадцать. За что держаться, приходилось каждый раз искать заново: сеть, недописанная страница в тетрадке, развязанный шнурок, который надо завязать. Большое не держало. Мелкое держало, если было своё.

В последний вечер Агафья Тимофеевна собрала всех в сарае и объявила, что пробовать будут через три дня, в солнцестояние, а сегодня пусть послушают.

Вязали молча. За стенами лежали светлое небо и море. Пришёл такт, и все спицы в сарае остановились разом. В этой тишине, ближе, чем когда-либо, на расстоянии вытянутой руки, Иван увидел Город: Двор, окна, стол с домино. Кто-то во дворе поднял голову и посмотрел прямо на сарай.

Спицы пошли дальше, а Иван остался здесь. Его не унесло, он просто видел.

Агафья спросила, видел ли он. Иван сказал, что видел и не ушёл.

— Вот, — сказала она. — Теперь можно пробовать.

Глава 7

Солнце в ночь на двадцать второе июня село в половине первого, а через два часа поднялось снова, так что темно не было ни минуты.

Лавки Агафья Тимофеевна расставила сама, в два круга. Во внешнем двадцать вязальщиц. Во внутреннем трое на одной лавке: Иван посередине, Толян слева, Галина Петровна справа. Майя на табуретке в самом центре, лицом к ним. Баба Клава у двери, на ящике, с корзинкой клубков. Илья в углу под неводами, с ноутбуком, где шёл обратный отсчёт и мерно бился зелёный столбик. Жанна, Аркадий, Лена и Ветров у стены, на правах зрителей, «и чтоб ни звука».

Галину Петровну в связку выбрали не сразу. Предлагал себя Ветров, предлагал Аркадий, а Агафья выслушала обоих и сказала: «Учительницу». Иван потом спросил почему, и она объяснила, что учительница туда давно ходит, во сне, дороге ей знать не надо. И у неё всегда есть недоделанное: тетрадки, внучкины задачи, письма ученикам, так что ей есть за что держаться. А вот этому, и она кивнула на Ветрова, держаться не за что, он уйдёт и не захочет обратно, она по нему видит. Ветров это слышал и промолчал.

Перед началом Агафья Тимофеевна встала посреди сарая и напредила порядок: сорок одна минута, Илюша считает, Устинья считает, она считает, Клавдия берег, Майя смотрит,

никто никого не зовёт. Друг за друга держаться, а назад каждый сам. И перед уходом каждый пусть скажет вслух, что ему здесь доделать, чтобы помнить.

Иван сказал, что ему надо дописать журнал, время выхода. Галина Петровна сказала, что ей надо проверить Сонину задачу по физике: внучка прислала вчера, в третьем действии ошибка, она видела, да не написала. Толян думал долго и наконец объявил, что ему надо не открыть бутылку. Стоит у Клавы на комод, и он её каждый день не открывает. Это тоже дело.

Агафья хмыкнула и одобрила: хорошее дело, трудное.

Иван взял Толяна за правое запястье, где белая нитка, Толян Ивана за левое, а Галина Петровна крепко взяла Толяна под руку, другой рукой прижимая к коленям сумку, и шепнула, что там тетрадка, а без тетрадки она никуда.

Спицы застучали. Сорок петель. Илья поднял руку. Такт.

Белое пришло не как обычно, а мягко и медленно, как утренний свет сквозь занавеску в чужой квартире. Иван не уловил момента, когда пропал стук спиц. Было тепло, рука Толяна была в его руке, и сарай одновременно был и не был.

Он открыл глаза и увидел двор. Самый обыкновенный, каких тысячи: пятиэтажки буквой «П», тополя, песочница с грибком, турник. Только дома стояли теснее, чем бывает, и

были разной высоты, будто их строили в разные годы в разных городах, а потом сдвинули поближе. Все окна горели, жёлтые, вечерние, с занавесками, с геранями, с силуэтами за тюлем. Пахло подъездом с мороза, тёплой пылью и батарееми. И отовсюду гудело, как гудит ночью большой город, если стоять на балконе и не прислушиваться ни к чему в отдельности.

Толян хрипло спросил, тут ли Иван. Иван сказал, что тут. Галина Петровна смотрела на двор так, как смотрят на дом, где когда-то жили, и сказала, что бывала здесь много раз, но одна, а втроем совсем иначе.

Посреди двора стоял облупленный стол, крашенный зелёной краской, и за ним четверо играли в домино, стуча костяшками с оттяжкой. Кто-то объявил «рыба», и все засмеялись.

А на балконе второго этажа курил жилистый мужчина в майке и тренировочных. Увидев их, он вынул сигарету изо рта и посмотрел без всякого удивления, как смотрят на соседей, которые наконец-то вышли во двор, хотя их давно ждали.

— Пётр Иванович, — сказала Галина Петровна.

Петя кивнул ей, потом долго и оценивающе разглядывал Ивана и сообщил, что знает его: Клавин сосед, бывал тут в ноябре, с ниткой. Голос доходил с запозданием, как по плохой связи. Велел передать Клаве, что у него всё нормально. Только про курево пусть не говорит. Она и так знает, но

пусть не знает.

У калитки во двор стояла будка, дощатая, той же зелёной краски, с окошечком и табличкой «ДОМОУПРАВЛЕНИЕ. ПРИЁМ ГРАЖДАН». В окошечке горела лампа под зелёным абажуром, а за лампой сидел немолодой полный человек с залысинами и усами щёткой, в серой жилетке поверх белой рубашки и в нарукавниках. Перед ним лежала амбарная книга, стоял стакан в подстаканнике и рядком лежали печати с деревянными ручками, штук пятнадцать. Он посмотрел на них поверх очков и спросил, новенькие ли.

Иван сказал, что временно.

— Временно это хорошо, — одобрил человек и придвинул книгу. — Это по особой графе. Фамилия?

Услышав «Прошков», он поднял глаза и протянул «а-а». Знает он, у них один Прошков уже есть, в Оконном ряду, на кухне, постоянно проживающий. Значит, этот второй. Иван возразил, что первый. «Это как посмотреть, — сказал домоуправ. — Мне без разницы, у меня порядок. Следующий».

Толяна записали без вопросов, а на Галину Петровну он посмотрел внимательнее: она тут бывала без оформления, стояла у Оконного ряда с тетрадкой, он ей ещё говорил, гражданочка, оформитесь, а она ему «я сплю». «Ну вот, не спите, — сказал он. — Оформим».

Подышал на печать, трижды шлёпнул её на три жёлтых листка, подписал и протянул в окошечко. Прохор Лукич, домоуправ, временная регистрация, сорок одна минута, больше нельзя, оснований нет.

Справка была жёлтая, плотная, с типографской рамкой. «СПРАВКА. Выдана гр. _____ в том, что он(а) временно зарегистрирован(а) по адресу: Двор. Срок: ____». Внизу фиолетовая круглая печать: «ДОМОУПРАВЛЕНИЕ № 1 * ДВОР * ГОРОД».

Толян спросил, зачем это всё. Затем, объяснил Прохор Лукич, что без регистрации ты кто? Сквозняк. Тебя сдует, и не найдёшь потом. А с регистрацией ты жилец, временный, но жилец, тут все по адресу. Галина Петровна поинтересовалась, а если всё-таки сдует. Так они ж в связке, сказал Прохор, отхлебнув из стакана, и назад, он видит, знают куда. Это редкость. Обычно сюда приходят и не знают, как обратно, и сидят потом у него в очереди годами. Ну, гуляйте. Только назад сами, он напоминать не обязан. В стакане у него, как потом клялся Толян, был чай, причём чай пах, хотя в Городе своих запахов не бывает: видно, тоже принёс кто-то с собой лет тридцать назад, и с тех пор Прохор Лукич его не допивал и не выливал, чтобы не кончился.

Гуляли недалеко: Агафья велела в первый раз со двора

ни ногой. Обошли двор, держась друг за друга, посидели на тёплой лавочке. Галина Петровна достала тетрадку и писала, глядя не на страницу, а на двор: «Пятиэтажки разной высоты. Окна горят. Все. Домино, четверо. Петя на балконе. Домоуправление». Почерк был её, только ровнее обычного.

Толян долго смотрел на окна и сказал, что пустых там нет, ни одного. Все дома: ужинают, разговаривают, спят, как у них в подъезде, только тесно, как в общежитии, все друг другу в стенку.

Грузный игрок в кепке за столом поднял голову и долго смотрел на них. Лица Иван не разглядел, только широкую спину, но что-то в нём дрогнуло, как бывает, когда в толпе мелькнёт знакомая походка.

На двадцатой минуте Иван встал и подошёл к краю двора, где между двумя пятиэтажками был проход на улицу. Толян и Галина Петровна пошли за ним, не отпуская. За проходом начиналась длинная улица, и по обеим её сторонам шли окна. Не дома, а именно окна, на уровне первого этажа, одно к одному, как витрины, и за каждым кухня. Окна горели, улица уходила далеко, а в самом её начале, ближе всех, горело одно, с лампой и клеёнкой.

Иван его узнал. За столом спиной к окну сидел человек в сером свитере и писал. Иван видел его плечи, затылок и вытянутый локоть свитера. Человек не оборачивался. До окна было шагов двадцать, может, тридцать.

Галина Петровна тихо напомнила, что Агафья велела со

двора ни ногой. Иван сказал, что знает. Галина Петровна сказала, что он туда хочет. Иван сказал, что хочет.

Человек за столом перестал писать и положил ручку. Посидел. Не обернулся.

Из будки, не высовываясь, подал голос Прохор Лукич: в Оконный ряд нужна отдельная справка, и к человеку без приглашения не ходят, даже к себе. Он, гражданин, вас не звал, он вам пишет, а это разное. Позовёт, тогда и пойдёте.

Иван постоял ещё, потом повернулся и пошёл к лавочке, и Толян с Галиной Петровной молча пошли рядом. Илья потом говорил, что на двадцать девятой минуте зелёный столбик у него на экране первый раз дёрнулся.

На тридцатой минуте подул ветер.

Сначала разом и в одну сторону зашелестели тополя, и занавески в открытых окнах первых этажей качнулись внутрь. Потом потянуло сильнее: тёплым, ровным, упругим потоком, как из подъездной двери, когда наверху распахнули окно. Тянуло оттуда, где за крышами что-то гудело громче.

Иван велел держаться. Галина Петровна вцепилась в Толяна обеими руками и выронила тетрадку. Тетрадку не сдуло. Сдуло Толяна.

Тело-то Иван держал, крепко, чувствуя под пальцами нитку. Тянуло самого Толяна: его взгляд, его лицо. Он смотрел

за крыши, и лицо у него становилось спокойным, слишком спокойным. Там шумно, сказал он тихо, там очень много, будто весь вокзал заплакал, и ему туда надо, им же плохо. Иван сказал, что не надо. Толян повторил, что им плохо, и голос у него стал тоньше, как тоньше становится нитка, когда её тянут. Он же переводчик. Он же должен.

Иван держал. Ничего другого сделать он не мог: ни позвать, ни вытянуть. Устинья сказала руку не тянуть, он и не тянул. Он держал и ждал, и ожидание это оказалось самым тяжёлым, что он делал за всю жизнь.

А Толян вдруг опустил глаза на свою руку, на белую нитку, за которую держал Иван, и посмотрел на неё долго, как смотрят на часы, вспомнив, что опаздывают.

— Вано, — медленно сказал он, своим собственным хриплым голосом. — А бутылка-то. Моя, у Клавы на комодке, нераспечатанная. Я ж её сегодня ещё не не открыл. Её ж сегодня ещё не открыть надо. Это ж дело. Кто его сделает, если я уйду?

И повернулся к ветру спиной. Сам. Иван почувствовал это через запястье: будто человек, которого несло течением, нащупал ногами дно и встал. Шумно там, сказал Толян, но у него тут дела.

Ветер стих, листья тополей повисли. Из будки Прохор Лукич, не высовываясь, сообщил: «Тридцать девятая минута». Сказал так, как объявляют время на вокзале. Не напоминал, просто сообщал.

В сарае Майя видела это так. На тридцатой минуте лицо у Толяна на лавке разгладилось совсем, как у спящего ребёнка, только глаза открыты. Она сказала Агафье, как договаривались, одно слово: «Толя». Агафья кивнула и взяла её за руку.

Дальше было девяносто секунд, и Майя их считала. Иван держал Толяна за запястье так, что костяшки побелели. Галина Петровна держала его под руку. А сам Толян сидел и спокойно смотрел в стену сарая, на старый невод, как смотрят на море.

На шестидесятой секунде Жанна у стены вскочила, и Аркадий, не глядя, усадил её обратно. На восемьдесят седьмой Толян моргнул, опустил глаза на запястье, и лицо у него стало обыкновенное: мятое, хмурое, толяновское.

Потом Майя рассказала Ивану, что за эти девяносто секунд поняла про себя одну вещь. Она всю жизнь думала, что сильнее всего бываешь, когда можешь что-то сделать. А сильнее всего, оказывается, когда можешь и не делаешь.

Назад уходили по одному. Иван подумал про журнал: вре-

мя выхода он так и не записал, тетрадка лежит в сарае на лавке, открытая на чистой странице, и ручка рядом. И повернул к ней. Галина Петровна подняла свою тетрадку с асфальта, прижала к груди, сказала вслух: «Третье действие. Там знак перепутан» и тоже повернула. А первым повернул Толян, к бутылке.

Иван открыл глаза в сарае. Рука Толяна в его руке, справа Галина Петровна, бледная, прижимает к коленям сумку. Илья объявил: сорок одна, ровно, все вернулись.

Майя стояла посреди сарая с сухим лицом, и Агафья держала её за руку. Майя сказала Толяну, что он уходил, на тридцатой, она видела по лицу. Толян сказал, что уходил и вернулся. Как? Бутылку вспомнил, и даже стыдно: там такое, а он про бутылку. Агафья со своего места сказала, что ничего не стыдно, а правильно: тяжёлое держит.

Ветров сидел у стены неподвижно, сцепив руки. Потом он сказал Ивану, что на тридцатой минуте у Толяна было то же лицо, что у пустых в «Озёрном-П» на такте. Тридцать лет он такие лица видел и думал, что это пустота. А это, оказывается, когда очень хочется помочь и не можешь. А Толян смог, сам себе.

Галина Петровна открыла сумку, убедилась, что тетрадка на месте, и выложила на лавку ещё кое-что: жёлтый листок. «СПРАВКА. Выдана гр. Сушковой Г. П. в том, что она временно зарегистрирована по адресу: Двор. Срок: 41 мин.». С фиолетовой печатью. Иван сунул руку в карман и нашёл там

такой же. У Толяна тоже. Илья посмотрел листок на свет, потёр печать, и палец у него стал фиолетовым. Чернила были настоящие.

Вещи переходят, если с толком, объяснила Агафья. Бабка говорила, раньше пуговицы приносили, а у них всё с бумажками.

Илья развернул к ним ноутбук. Зелёный столбик, это общий ритм сарая, а вот три тонкие линии, это они, каждый, по пульсу с датчиков на запястьях. И вернулись они не вместе: Толян на сороковой минуте и ноль двух секундах, Галина Петровна на сороковой и шести, Иван на сороковой и девяти. Каждый в свою секунду. Майя спросила, плохо ли это. Илья сказал, что наоборот: значит, их не выдернуло общим тактом, они вышли сами, каждый, когда додумал своё. А осенью, когда пустые на такте «моргали», они моргали все в одну и ту же секунду, до сотой.

Агафья Тимофеевна посмотрела на экран, ровным счётом ничего в нём не поняла и сказала: «Ну вот. А я что говорила».

Иван сел за стол Устины, открыл тетрадку и записал: «21–22 июня. Первый выход. 41 мин. Вернулся сам: журнал. Толян: бутылка. Г. П.: задача внушки. Каждый своё». Подумал и добавил: «Петя сказал: „Ты тут уже бывал“.

Прохор: „Один Прошков уже есть“. Оконный ряд. Постоянно проживающий».

Баба Клава подошла от двери, тяжело, держась за колено, посмотрела на справки и спросила, видели ли Петю. Видели, сказал Иван, на балконе, говорит, у него всё нормально, и просил не говорить, что курит.

Баба Клава долго молчала, а потом сказала, что курит, значит. Тридцать лет просила бросить, не бросил, и там не бросил. Ну хоть так, по-своему.

Вернулась на ящик у двери и взяла спицы. Иван видел, что руки её не слушаются, но она вязала, петля за петлёй, до самого утра, пока все не разошлись спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.